

СЕРГЕЙ ТРАХИМЁНОК

ИЗ СИБИРИ СООБЩАЮТ...

**СИБИРСКИЙ
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ
РОМАН**

Сибирский приключенческий роман

Сергей Трахимёнок
Из Сибири сообщают...

2014

Трахимёнок С. А.

Из Сибири сообщают... / С. А. Трахимёнок —
2014 — (Сибирский приключенческий роман)

ISBN 978-5-4444-8836-2

В остросюжетном романе известного писателя Сергея Трахимёнка действие развивается сразу в трех временных срезах. Следователь прокуратуры Краевский из благополучных семидесятых попадает в беспокойные двадцатые, когда только-только закончилась Гражданская война. Однако отголосками войн гражданских всегда являются войны бандитские, и Краевскому приходится участвовать в операции по выявлению крота в структурах формирующейся милиции. Идут годы, и Краевский из райцентра, в котором начинал свою следственную деятельность, в лихие девяностые перебирается в областной город Н-ск, где вместе с сотрудником уголовного розыска Коржом занимается расследованием деятельности организованной преступной группировки. Но это уже не те Корж и Краевский, что когда-то вместе расследовали преступления в российской провинции. И вскоре один из них предает другого...

ISBN 978-5-4444-8836-2

© Трахимёнок С. А., 2014

Содержание

Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Сергей Трахимёнок

Из Сибири сообщают...

© Трахимёнок С.А., 2014

© ООО «Издательство «Вече», 2014

* * *

Часть первая

Второй уровень

– Один, два, три, – говорил знакомый голос, – веки дрогнули...

Потом голос куда-то пропал, однако вместо него послышался другой:

– Ну, вот и глаза открыл, хорошо...

После этих слов перед ним, как из тумана, стал возникать седовласый старик с пышными усами в белом халате, но не обычном медицинском, а таком, какие носят ветеринары, с коротким стоячим воротником и завязками сзади.

Старик приблизился к нему, и он почувствовал крепкий запах дегтя и махорки.

– Молчи, молчи, – произнес старик, увидев, что он пытается о чем-то спросить.

Он не послушался и собрал все силы, чтобы задать тривиальный в таких случаях вопрос: «Где я?» Но сил не хватило даже на него. Старика заволокло туманом, и он стал слышать только его голос:

– Анна Петровна, камфару.

Невидимая Анна Петровна взяла его за руку, и он почувствовал легкий, почти безболезненный укол в среднюю часть плеча, и невидимый старик произнес:

– Ну вот, теперь все будет хорошо... Теперь все пойдет на поправку... Нужно только лежать, лежать спокойно... Покой, батенька, лучшее лекарство в мире...

Прошла неделя с тех пор, как он пришел в себя. За эту неделю он познакомился со стариком. Старик был фельдшером, звали его Василием Васильевичем. Персонал же называл его коротко, но уважительно, Василичем. Познакомился с медсестрой Анной Петровной – женщиной строгой, пунктуальной и немногословной. За всю неделю она не произнесла и десятка слов. Однако специалистом Анна Петровна была прекрасным, уколы делала мастерски, и он, с детства боявшийся людей со шприцем в руках, не испытывал связанных с ними неприятных ощущений.

А еще он смог установить контакт с санитаркой, приносившей судно и мывшей пол в палате. Санитарка сообщала ему последние каминские новости, которые он тщательно анализировал, пытаясь найти в них то, что было необходимо ему и на что другие не обращали, да и не могли обращать внимания.

С каждым днем он все больше привязывался к окружающим его людям, привыкал к больничному распорядку и даже перестал различать запахи, поначалу его раздражавшие: в конце концов это был обычный букет из запахов хлорки, карболки и камфары, то специфическое сочетание, какое всегда бывает в полевых госпиталях и провинциальных больницах, куда он и попал.

С каждым днем ему становилось все лучше и с каждым днем ему все больше хотелось раздвинуть узкий мир стен и дощатого потолка, который был выбелен известью много раз и до такой степени, что последние слои плохо держались и кусочки извести постоянно падали на пол, на кровать, попадали в глаза, так как он лежал на спине, не имея возможности поменять позу.

По-прежнему болела грудь, подташнивало, кружилась голова, но это его уже мало беспокоило. Хуже было то, что произошло с памятью. Он, прекрасно помня одно, не мог вспомнить другое, интуитивно чувствуя, что и это – одно, и это – другое или тесно связаны друг с другом, или стоят рядышком на полочке памяти.

Иногда казалось, что взрывной волной ему отшибло некоторые участки мозга. Сам же мозг представлялся чем-то вроде пчелиных сот. Там, где удар не коснулся их, было все

хорошо. Поврежденные же соты были не то что мертвы, а скорее немые. Они, словно умный пес, все видели, все фиксировали, но рассказать об этом не могли.

Он морщил лоб, тряс головой в надежде, что это как-то поможет, но все было напрасно. В глубине души он понимал: со временем все должно встать на свои места и память возвратится к нему. Но как раз времени не было, и это подвергало его жизнь опасности. Дело в том, что он не мог вспомнить свое имя и фамилию.

Нет, он не забыл имя, которое ему дали родители при рождении и с которым он прожил свои двадцать лет. Он не мог вспомнить легендированные имя и фамилию, которые он получил в Новониколаевске и которые должны были значиться в его удостоверении. Удостоверения не было среди его вещей. Значит, оно либо пропало, либо попало в руки тех, кто первым прибыл на место происшествия.

«Здорово будет, если при встрече с ними я представлюсь Ивановым, тогда как на самом деле я – Петров», – думал он, глядя в потолок, и в очередной раз проигрывал детали путешествия с Бородой.

Борода был единственным человеком, знавшим о миссии, с которой он прибыл в Каминск из Новониколаевска.

От станции они ехали в телеге, которую раздобыл Борода для конспирации. В телегу были запряжены две лошади. Их хребты и головы, с острыми торчащими ушами, заслоняли от него дорогу. Он помнил тряску, помнил, как лежал на соломе, а сидящий впереди Борода, нахлестывая лошадей, докладывал обстановку:

– С юга все спокойно, а вот север – другое дело... Там свирепствует банда Огнивца... Костяк ее находится в урмане¹. Недавно взяли одного в городе, к сударушке своей пришел, мы там засаду сделали... Правая рука атамана. Он нам и сказал, что Огнивец хочет бежать за кордон... Мы на север по одному не ездим, а здесь можно, здесь спокойно, – говорил Борода, ловко работая вожжами.

Было жарко. Несмотря на тряску, его сморило и укачало. Он вполуха слушал рассуждения Бороды и дремал до тех пор, пока колеса не застучали по деревянному настилу. Телега въезжала на мост. Он открыл глаза и увидел то, что называется видением. Впереди над головами лошадей возник силуэт женщины, завернутой в белое покрывало. Почему он решил, что это была женщина? Он не видел ее лица, но по форме, что была внутри покрывала, по тем плавным движениям, какие больше присущи женщинам, а не мужчинам, он решил, что это женщина.

– Смотри, – сказал он Бороде, – что это?

– Где? – спросил Борода.

– Впереди, на дороге.

– Там ничего нет, – ответил Борода.

– Там, – сказал он, – женщина...

– Не вижу, – ответил Борода и обернулся к нему...

Их диалог прервал разбойничий свист. Борода, что-то понявший раньше него, выругался и схватился за револьвер. Однако воспользоваться им не успел: вздыбились, подброшенные взрывом кони, и пассажир, перелетев через перила моста, ударился грудью о спиленную у самой воды сваю.

Удар сделал его ко всему не чувствительным и равнодушным. Он медленно опускался на дно и уже коснулся рукой придонного ила, как вдруг какая-то сила вытащила его на поверхность и на берег, где он мог дышать, а следовательно, жить.

Он хорошо помнил, как кто-то ругался над ним, как его везли на «скорой», как внесли в приемный покой, как долго спорили о чем-то с невидимой медсестрой, которая говорила,

¹ Урман – густая елово-пихтовая тайга в Западной Сибири, часто заболоченная.

что «этого надо не сюда, а туда», после чего его положили на кушетку. Вернее, бросили на кушетку. И тут он понял, что значит «не сюда, а туда». И с этого момента действительность обрушилась на него со всей жестокостью и безысходностью. На какой-то момент ему стадо жаль себя, но было поздно. Окружающий мир потух, словно все его краски превратились в одну – серую, и он помчался куда-то по длинному, похожему на тоннель коридору, интуитивно сознавая, что приближается к той черте, что отделяет жизнь от смерти и за какой уже ничего нет.

Аскольд Тарус до революции работал в цирке: сбивал из револьвера яблоко из папьемаше с головы своей сценической сестры, имя которой, разумеется, тоже было сценическое, Изольда. Коротконогий и короткорукий, он мог выпить четверть самогона с каким-нибудь приятелем и после этого даже не качнуться. Такой устойчивостью он страшно гордился и этим же объяснял свои успехи в стрельбе.

Подчиненные же объясняли способность Аскольда стрелять без промаха его тупостью и патологическим хладнокровием. Всем, кто его знал, казалось, что у него напрочь отсутствуют нервы. С привычным хладнокровием он сбивал спичечный коробок с головы бледного новичка, только что пришедшего в отдел и проходящего «проверку на вшивость». С таким же хладнокровием он попадал в лоб тем, кто отстреливался при арестах. Во многом благодаря этому он стал начальником одного из отделов губернского уголовного розыска, потому что другие, более горячие конкуренты и претенденты на эту должность, после нескольких операций отправлялись в лучшем случае в больницу и оттуда на инвалидность, в худшем – на Новониколаевское кладбище.

Начальник вызвал его к себе. Когда он появился в кабинете, то был немало удивлен тем, как встретил его Тарус. Он не сидел, развалившись в кресле, не хамил, как обычно, не грыз яблоко. Из всего этого он понял, что разговор предстоит необычный. Так и оказалось.

– В Новониколаевской тюрьме сидит Крыса, – начал Тарус, – раньше он был на «гастролях» в Каминске. Он сообщил нам, что Огнинец имеет намерение уйти за кордон, прихватив с собой найденные у купца Полуянова бриллианты и часть колчаковского архива, который потеряла колчаковская контрразведка во время отступления. Понял?

– Да.

– Камешки – хорошо, но архив – лучше. Он дороже камешков, поскольку там данные на агентуру, которая когда-то работала на адмирала, а сейчас осталась здесь и вредит нам, – сказал Тарус так, как говорят на митингах и собраниях, и посмотрел куда-то вбок в глубь кабинета.

Он так же глянул в ту сторону, и все стало на свои места и объяснило и позу Таруса, и его «культурное» поведение. Там, в одном из конфискованных рабоче-крестьянской властью у буржуазии кресел, сидел маленький человек, также облаченный в кожу. На нем были хромовые сапоги, кожаная куртка, на голове кожаный картуз. Человек этот был незаметен еще и потому, что сидел до поры неподвижно и ничем себя не обнаруживал, как будто он специально забрался в кресло и ждал своего часа, чтобы произвести эффект на присутствующих. Без сомнения, это был представитель ведомства, которое совсем недавно изменило свое название.

А начальник между тем продолжал:

– Крыса говорит, что архив находится в одном из домов по улице Инвалидной... Улица небольшая, так что к твоему приезду может случиться так, что сотрудники уездного отдела милиции уже найдут архив, и тебе останется только обеспечить его транспортировку сюда... Ежели нет, то тебе...

– Придется подключиться к поискам...

– Да, – подтвердил Тарус, недовольный тем, что подчиненный перебил его, но сделал вид, что не заметил нарушения субординации.

– А откуда все это стало известно Крысе?

– Крыса клянется, что все это слышал от родственника купца Полуянова, но... – тут Тарус посмотрел на человека в кресле, которому, как нельзя лучше, подходила фамилия Кожан, и человек кивнул ему в ответ в знак дозволения рассказать кое-что...

– Понимаешь, родственника этого нет в живых, товарищи наши поторопились расстрелять его за пособничество бандитам... Таким образом, конспиративная цепочка прервалась, и сейчас этот архив, по всей видимости, ищут не только наши товарищи из уездной милиции, но и Огнивец...

– Что ж поторопились с родственником? – спросил он.

– У всех бывают ошибки, – услышал он первую фразу Кожана, – конь и на четырех ногах спотыкается...

– Так то кони, – начал было он, но Тарус бросил на него испепеляющий взгляд, и он замолк.

– Если архив найдет банда, то он точно уйдет за кордон, – произнес Тарус.

– А этого допустить никак нельзя, – назидательно заметил Кожан, все больше втягиваясь в их беседу.

«Почему нельзя?» – подмывало его спросить, но он сдержался: с серьезными людьми шутить не стоило, серьезные люди шуток не понимают.

– Да, – как эхо отозвался Тарус, – этого допустить нельзя, потому что в этом случае мы не сможем даже проконтролировать путь архива: служба безопасности у Огнивца налажена лучше, чем у милиции Каминска, те не имеют в банде своих людей, чтобы отслеживать обстановку...

– А если архив найдут товарищи из уездного отдела? – спросил он.

– В этом случае архив тоже может уйти к Огнивцу, потому что, стыдно признаться, но все провалы операций по ликвидации банды говорят о том, что у Огнивца есть свой человек в отделе и он помогает ему не за страх, а за совесть.

– Его тоже надо установить?

– Само собой... его нужно выявить до того, как будет найден архив.

– Иначе операция может провалиться?

– Соображает, – сказал на это Кожан и одобрительно кивнул Тарусу. А тот, поощренный этим, стал инструктировать подчиненного.

– Все вопросы будешь решать с Каминским начмил², зовут его Бородой.

– Я... – поперхнулся он, мгновенно сообразив, что его вызвали вовсе не для консультаций...

– Ты, – подтвердил Тарус и продолжил так, словно все уже было решено, – Борода – мужик крепкий, надежный, но, сам понимаешь, грамотешки ему не хватает, не учился он в академиях...

– Бороду ему, между прочим, – невпопад встрял Кожан, – разрешил носить уездный комитет партии... Специальное постановление принял по этому поводу... Дело в том, что у него на левой щеке ужасный шрам. Брить такую щеку тяжело, да и вид она придавала ему бандитский. Вот уездный комитет партии и принял постановление: «Обязать Каминского начмила носить бороду, чтобы она скрывала шрам, полученный в боях с бандитами, а начмил не дискредитировал своим видом социалистическую законность».

Тарус терпеливо ждал, пока Кожан произнесет эту галиматью, и начал говорить только тогда, когда гость в кресле закончил.

– Есть у Бороды зам. Тот из интеллигентов, но наш, сочувствующий... Он учился когда-то на юрфаке Петербургского университета, был мобилизован на фронт в империалистиче-

² Начмил – начальник милиции города (*проф. жарг.*).

скую... Там попал под газовую атаку, отравился, со здоровьем у него неважно, последние дни доживает, но работает, потому что поверил в революцию, работает и для себя ничего не требует...

– Это люди надежные, – опять вмешался Кожан, – с остальными надо быть осторожным: сами понимаете, в рядах отдела есть человек Огнивца, причем надежно законспирированный.

– А что же, – спросил он и несколько помедлил, чтобы Кожан не уловил иронии, – ваши товарищи в Каминске не могут разоблачить врага, прокравшегося в рабоче-крестьянскую милицию?

– Есть трудность, – доверительно ответил Кожан. Он не почувствовал иронии. – Законспирированный агент прекрасно знает тамошних сотрудников, и нам кажется, что не они осуществляют контроль над Огнивцом и его человеком, а этот человек над ними... Поэтому и было принято решение послать в Каминск неизвестного там человека с почетной обязанностью: разоблачить врага, найти архив и драгкамешки и отправить их в Новониколаевск.

– И все это мне надо проделать одному?

– Ну что вы, конечно, нет, – ответил Кожан с усмешкой, – вас будут подстраховывать и контролировать... Но вам надо помнить, что большое количество людей, участвующих в операции, создает большую вероятность провала... А провал – это смерть. А кто же может желать смерти товарищу по делу... Поэтому самое разумное – ехать в Каминск одному... Легенду вам уже разработали, вы едете туда инспектировать отдел. О вашей миссии будет знать один только Борода.

– Я могу отказаться? – спросил он, не дослушав Кожана.

– Что? – встрепенулся Тарус, который долгое время молчал, не желая перебивать Кожана. – Да ты...

Кожан жестом остановил его.

– Не можете, – произнес он с торжеством человека, державшего в руках мышеловку, в которой металась пойманнаямышь.

– Почему? – спросил он, хотя мог бы не спрашивать: не первый день в уголовном розыске работал.

– Вы много об этом знаете.

– Он шутит, – сказал Тарус и слегка побледнел.

– Вот как? – иронически произнес Кожан. – В губугрозыске есть шутники?

– Есть, – ответил Тарус и хихикнул, – но очень мало.

– Пусть он выйдет в коридор, – приказал Кожан Тарусу, даже не взглянув в сторону будущего «инспектирующего».

– Выйди в коридор, – сказал ему начальник отдела, – я тебя потом вызову. – В отличие от вежливого Кожана Аскольд никогда не обращался к подчиненным на «вы».

В коридоре он уселся на «скамью подсудимых», так именовалась длинная деревянная скамейка, когда-то стоявшая в одном из парков Новониколаевска, а теперь попавшая в коридор губугрозыска и установленная перед дверью начальника самого страшного из отделов – отдела по борьбе с бандитизмом.

Ждать пришлось недолго. Красный и злой Аскольд раскрыл дверь и проговорил:

– Заходи.

Кожана в кабинете не было, и он догадался, что тот ушел через конспиративный ход, который использовал Тарус для встречи в кабинете со своими конфидентами.

Длинное ругательство услышал он, когда пересек порог кабинета. Ругательство закончилось вполне цензурным словом «шутник».

– Тебя же проверяют.

– А меня нечего проверять, меня сам Тарус проверял, – бросил он начальнику, – он спичечный коробок сбивал с моей головы.

– Ну, ну, – уже спокойнее произнес Аскольд, польщенный таким сравнением. – Коробок – это не проверка. Я когда-то в пятак попадал, а пятак был наполовину всунут в гребень Изольды, а гребень был в ее волосах... Вот это была проверка на вшивость, вот это было рискованно, а коробок можно сбить с закрытыми глазами с сильного похмелья.

– Так что эти проверки у меня вот где, – сказал он и провел ребром ладони по горлу, – мне их на облавах хватает...

– Смеляк, – покачал головой Тарус, – но не зарывайся. Ты не один... Это я тебя рекомендовал... Это я за тебя поручился, а ты шутить надумал... «Я могу отказаться?» Отказник, мать твою... Да ты должен был сказать: благодарю за оказанное доверие... постараюсь ценой жизни... понял?

– Понял.

– Ну, то-то.

Через три дня его вызвали в ОГПУ.

Это новое название бывшей ЧК было еще непривычным для слуха и не вызывало должного почтения у сотрудников угрозыска.

– О Господи. Помогите. Убежать, – расшифровал его один из подчиненных Таруса, а сам Тарус, не отличавшийся остротой ума, прочитал эту аббревиатуру в обратном порядке:

– Убежишь. Поймают. Голову. Оторвут.

Тарус передал ему пропуск, видимо, выписанный Кожаном, и посоветовал:

– Ты там не выдрыкивайся, больно умным себя не выставляй...

Перед входом в управление ОГПУ он посмотрел в пропуск.

«Обладатель сего, – значилось там, – следует в шестьдесят шестой кабинет».

Шестьдесят шестой был закрыт, и ему ничего не оставалось делать, как усесться на садовую скамейку, что стояла перед дверью этого кабинета. Наличие в ОГПУ такой же скамейки, как и в угро, объяснялось просто. Губернское начальство для того, чтобы эти скамейки не пошли на растопку буржеек, распорядилось забрать их в госучреждения.

«Специально меня выдерживает Кожан, – думал он, сидя на жестких рейках скамейки, – или нет? А может Кожана куда-то вызвало начальство или он уехал на происшествие».

Шел тысяча девятьсот двадцать третий год со дня Рождения Христова, и всякое могло случиться в губернском городе Новониколаевске, волей судьбы стоящем посередине огромного государства – Союза Советских Социалистических Республик.

Кожан появился только после обеда. Он открыл дверь ключом и пригласил гостя в кабинет. Там он уселся за большой стол, взял перо и бумагу:

– Фамилия, имя, отчество? – были его первые слова.

«Етить твою!...» – выругался гость про себя, хотя сам по многу раз в день задавал подобные вопросы.

– Где живут сейчас ваши родители? – был следующий вопрос.

– Не знаю, – ответил он.

Кожан сделал удивленные глаза и отложил в сторону ручку.

– Как не знаете? Вы – сирота?

– Возможно, – ответил он, чувствуя, что Кожан ломает комедию. На самом же деле он уже все разузнал о нем.

– Где ваши родители?

– Не знаю.

Кожан не мигая смотрел ему в глаза, а потом открыл ящик стола, достал оттуда папку.

– Можете посмотреть, – сказал он, – это ваши родители, в настоящее время они находятся в Харбине... Посмотрите, посмотрите, отец-то, ну копия – вы... Как?

– Не знаю...

– Вы что, никогда не видели своих родителей? У вас были родители?

– Наверное, были.

– Так где они сейчас?

– Не знаю.

– Нелогично, – произнес Кожан, – вы – сотрудник уголовного розыска, могли бы придумать что-нибудь правдоподобное...

– Я не хочу ничего придумывать.

– Не хотите, хорошо... Но тогда объясните свое появление в Новониколаевске?

– Мне трудно это сделать.

– Почему?

– Я не помню себя до болезни.

– Как не помните?

– Так... как обычно не помнят... Помню, как лежал в тифозном госпитале, помню, как начал ходить, а то, что было до этого, не помню.

– Как же вас взяли на службу в угрозыск?

– Меня туда взял Тарус.

– За какие заслуги?

– Ему понравилось мое поведение на базаре.

– А что вы делали на базаре?

– Стыдно признаваться, но я пришел туда, чтобы украсть что-нибудь поесть, когда выписался из госпиталя...

– И...

– И попал в перестрелку Таруса и его ребят с преступниками... Тарусу понравилось, что я не убежал, как другие, и подставил ножку одному из его оппонентов.

– Правильно... А зачем вы это сделали?

– Не знаю, это получилось неосознанно, импульсивно...

– А потом?

– А потом Тарус пригласил меня к себе, накормил, проверил на вшивость и взял на работу.

– Так... Тарус, выходит, повел себя, как барин: накормил, взял на работу, а, между прочим, он всего лишь начальник отдела, а не хозяин его... Ну, черт с ним, с Тарусом, он принял на работу человека, который не помнит своего прошлого и не знает своих родителей... Кроме того, этот человек не имел документов.

– Документы, как раз у меня были.

– Откуда?

– Мне их выдали в госпитале при выписке.

– А как вы попали в госпиталь?

– Я думаю, что после того, как заболел.

– Ну вот, опять: я думаю, я предполагаю... Этого мало, если не сказать большего... Это-то вы хоть понимаете?

– Да.

– Даю сутки на раздумье... Мне нужно знать правду. Кто вы? С какой целью проникли в рабоче-крестьянские органы?

Кожан нажал звонок, и в кабинет вошел конвойный с длинной винтовкой в руках.

«Страшное оружие, – отстраненно подумал он, – но в узком коридоре весьма неудобное, может, рискнуть?»

– В камеру, – отрывисто сказал Кожан.

– Руки за спину, – скомандовал конвойный, – шагом марш.

Камера была крошечной: четыре шага в длину и три в ширину. Он ходил по камере, касаясь ногами топчана, прислоненного к стене.

Что он мог сказать Кожану? Он действительно не помнил свою прошлую жизнь. Точнее, он помнил ее, но какими-то урывками, помнил о таких событиях, расскажи о которых, ему бы не поверили или приняли бы за сумасшедшего.

Мужчина и женщина на фотографии, которую предъявил ему Кожан, вполне могли быть его родителями, но это также могло быть провокацией.

Он попробовал плечом дверь, подергал руками решетку. Все было прочно. «Жаль, что не рискнул убежать в коридоре». Но сейчас было поздно, поезд ушел, и он улегся на топчан: если сил не хватает, чтобы грести против течения, придется плыть по течению...

Кожан вызвал его на следующее утро. Он похлопал рукой по картонной папке, которая за ночь стала вдвое толще. «Мы даром хлеб не едим», – словно говорил этот жест.

– Ну, так до чего мы додумались? – спросил Кожан.

– Я все сказал, – ответил он.

Последовала долгая пауза, и выражение лица Кожана изменилось.

– Молодец, – сказал он, – все верно, в этой папке ничего нет. А фотографии тех людей – это фотографии родителей Огнивца. Ваше сходство с мужчиной – чистая случайность. Правда, у Огнивца действительно был брат, но он где-то сгинул, пропал в дыме Гражданской войны... Ну, вы довольны?

– Чем?

– Тем, что прошли проверку, остались живы?

– Мне кажется, что я не прошел проверки, поскольку не выяснен вопрос, откуда я появился, – сказал он, – даже угро не согласился бы иметь в операции человека, который появился неизвестно откуда и не знает своих родителей... Значит, вы мне не все сказали и есть еще что-то, что дает вам шанс поставить на меня.

– Да, – подтвердил Кожан, – но это не ваши проблемы, это наша профессиональная тайна.

– А не объясняется ли сия тайна тем, что у вас нет времени на подготовку другого агента и вам ничего не остается, как оказать доверие мне.

– Еще раз молодец, – произнес Кожан, – это значит, что я в тебе не ошибся. Ты правильно оценил ситуацию. Мы действительно не разобрались до конца, кто ты такой, и у нас действительно нет времени, чтобы готовить другого агента... Поэтому в Каминск едешь ты и будешь там не только выполнять задание, но и реабилитировать себя перед рабоче-крестьянской властью. Выполнишь задание, станет ясно, что ты – наш человек и тебе действительно отшибло память, поэтому ты и не помнишь своих родителей и не скрываешь своего социального происхождения. А теперь мы перекусим и поговорим о том, чего не знает даже твой Тарус.

Кожан позвонил, и в кабинет принесли поднос с тарелкой, на которой были кусочки хлеба и сала.

Конца завтрака Кожан не дождался и начал говорить во время еды:

– В отделе есть еще два зама. Фамилия одного из них Базыка. Он ненамного старше тебя, но в отличие от тебя хорошо помнит все, что с ним было, хотя его по контузии из армии демобилизовали. Он одновременно является командиром конной полусотни, которая дислоцирована в Каминске и предназначена для борьбы с бандой Огнивца... Есть у Бороды еще один зам – Андросов. Он в отличие от Бороды мужик грамотный, все доклады и отчеты составляет: раньше работал наборщиком в Каминской типографии... Андросов считает, что

отделом должен руководить он... Разумеется, это прямо к делу не относится, но учитывать это надо...

И последнее... У нас в Каминске работает один из лучших сотрудников... Он будет тебя подстраховывать... Но смотри, не спали его... Это тебе дорого будет стоить... Документы и пароль для связи сообщу завтра, когда отвезу тебя к поезду, и... сам понимаешь, эту ночь ты тоже проведешь в тюрьме. Ничего не поделаешь – конспирация.

– К вам гость, – сообщил Василич, заглянув в палату, и тут же из-за его спины появился длинный парень. Он, как это бывает с высокими людьми, был сутул. Но самое выдающееся в нем были его руки. Когда парень уселся на табурет рядом с койкой и поставил свои локти на колени, ладони его вполне могли коснуться пола. На госте была выгоревшая гимнастерка, слева на ремне болталась шашка с темляком, изготовленным из фитиля настольной лампы, справа – деревянная кобура, в каких носили маузеры революционные матросы.

Поерзав немного на табурете, гость оглянулся на двери, в проеме которых все еще стоял Василич. Василич все понял и закрыл дверь со стороны коридора.

– Базыка, – представился гость и протянул ему огромную ладонь.

– Очень приятно, – вывернулся он, чтобы не называть себя.

Базыка поморщился, услышав интеллигентское «очень приятно».

– Да брось ты, – сказал он с той прямоотой, которая характеризовала его больше, чем характеристики Кожана, – мы с тобой ровесники, стоит ли церемониться...

Фраза эта не понравилась ему: он все же по легенде проверяющий из губугрозыска, начальник, но пришлось проглотить бесцеремонность одного из замов начальника и спросить:

– Что с Бородой?

Это был единственный крючок, за который можно было зацепиться, чтобы развить контакт.

– Что с Бородой? Да ничего. Нет Бороды, похоронили мы его с почестями... Памятник поставили большой, со звездой... Мамаша его, правда, против была... Говорила, крещеный он. Да кто стал бы ее слушать, старорежимная бабка...

– Ну что ж вы не сделали так, как она просила, – упрекнул он.

– Мало ли что может баба попросить. Она просила побрить его, но мы не дали.

– Ну да, есть же решение уездного комитета, – съязвил он.

– Да, – не поняв колкости, подтвердил Базыка.

– Значит, Борода умер, – произнес он.

– Не умер, а погиб смертью героя, – поправил Базыка.

– А что случилось со мной? – осторожно закинул удочку он.

– Видишь ли, у нас было много провалов, и Борода перестал доверять всем, кроме меня... В один из дней он переоделся в штатское, напялил на голову картуз, взял телегу в конюшне и поехал в Корябинск. Конечно, он не сказал, что едет встречать инспектирующего из Новониколаевска, то есть тебя... Мы знали, что проверяющий должен быть со дня на день... Но никто не подумал, что он едет за проверяющим: за ними никогда не ездили на телеге... Однако в последний момент Борода что-то почувствовал и попросил меня сопровождать его. Я взял пяток ребят и верхом следовал за ним. Туда мы скакали по дороге, а обратно рядышком, в четверти версты от вас.

– Так что же произошло? – спросил он. – У меня память взрывом отшибло.

– Ерунда, – ответил на это Базыка, – это не страшно, меня с коня дважды взрывом сбрасывало. А я ничего, жив, правда, первый раз испугался до смерти, потому что тоже многое не мог вспомнить, но это пройдет.

Он догадался, что Базыку занесло, скорее всего, от тех контузий и им надо управлять, чтобы не болтал впусую.

– Так что же случилось? – перебил он разглагольствования визитера.

– Когда вы въехали на мост, кто-то бросил гранату. Но гранату, я так понимаю, бросили, чтобы отвлечь вас. Однако получилось так, что она упала близко от телеги, тебя выбросило за перила, а Бороду оглушило.

– Так он умер от контузии?

– Нет, его дострелили... в затылок из револьвера.

– А почему не дострелили меня?

– Не знаю, может быть, исполнитель акции не успел этого сделать... Мы примчались к мосту спустя полминуты, ну, может быть, минуту.

– А кто был исполнителем акции?

– На мосту рядом с Бородой был еще один труп... Мужик с револьвером...

– Почему труп? Его застрелили вы, или это успел сделать Борода?

– Ну что мы, идиоты, что ли? Разве мы могли застрелить такого свидетеля... Он нам живой был нужен, а застрелил его, я так думаю, второй сообщник...

– Конечно, так в этом случае должен быть сделать второй человек или другие люди. Далеко они не могли уйти, вы не обыскали лес?

– Понимаешь, – опять поморщился Базыка, – я с собой взял необстрелянных ребят... Ну не думал, что у нас на юге что-нибудь может случиться... Я с тобой пока возился, а они обшарили все вокруг, но в лес далеко не пошли... В лес особо не сунешься, если оттуда выстрелить могут.

– И все же полминуты срок слишком большой. Что же произошло там и почему не дострелили меня?

– Я, честно говоря, тоже этому удивляюсь.

– Я лежал на берегу или был в воде?

– На берегу, но ты был мокрый, и можно было точно сказать, что ты был в воде. Наверное, ты упал в воду, а потом выбрался на берег.

– Как же я мог выбраться на берег без сознания и со сломанными ребрами.

– Тоже удивительно, но тут всякое может быть, – Базыку опять понесло, – одного моего бойца пополам перерубили. Одна половинка осталась в седле, а вторая – упала на землю, а потом стала ползти к нему за стремяна цепляться... Ну что ты глава закрыл, да ты, брат, слабак, как же ты будешь бороться с бандитизмом?

Базыка еще о чем-то говорил, но он не слушал его.

«Борода, Борода – мужик в картузе, сапогах и по уши заросший русыми волосами, которые нисколько не смягчали его суровую внешность. И с бородой он так же был похож на разбойника, как и без бороды. Как же мне быть теперь? Где искать этот распроклятый архив, етить твою...»

– Ну, я побег, выздоравливай, – донесся до него голос Базыки. – Василич, посмотри за больным.

«Ах, Борода, Борода, что же мне теперь делать? Как я обрадовался, услышав, что ты нашел этот распроклятый архив и надежно спрятал его в другом месте!...»

Все это он узнал за минуту до въезда на мост. Борода, задерганный постоянными провалами операций, решил, никому не доверяя, самому найти и изъять архив.

«Я сделал это по-рабоче-крестьянски, – сказал Борода ему, – пришел, увидел, перепрятал... Теперь его не только банда, сам черт не найдет».

Где уж ему тягаться с чертом. А как все хорошо складывалось. Ведь даже в отделе никто не знал о том, что Борода изъят и перепрятал архив. Значит, обеспечить транспортировку его в Новониколаевск не составило бы особого труда, а вот теперь... Теперь транспортировать нечего...

– Василич, – позвал он, – Василич...

Появился фельдшер.

– Надо выписываться, – произнес он.

– Рано, – ответил тот, – вы еще не окрепли, слабы, и у вас, батенька, возможны рецидивы.

– Мне ли бояться рецидивов, – пошутил он.

– Могут быть обмороки, припадки...

– Василич, – сказал он, – снявши голову, по волосам не плачут, что мне припадки, с припадками люди живут, а мне, если не выписаться, может, и жить не придется... Надо... а я уж постараюсь раз в два дня заглядывать к вам...

– Свежо предание, – заключил Василич, покрутив свой рыжеватый ус.

В конце концов он уговорил фельдшера. Тот послал в отдел гонца доложить, что инспектирующий из Новониколаевска завтра выписывается.

И вот наступило завтра. Он идет по коридору и видит через раскрытую дверь кошеву, стоящую рядом с крыльцом больницы. За кучера на ней Базыка в белой гимнастерке, подпоясанной широким ремнем с двумя рядами дырочек, с маузером, но без шашки. Видимо, первый раз он приезжал верхом, а конник на коне и без шашки – не кавалерист.

Он садится в кошеву, смотрит в сторону крыльца, где стоят Василич в сапогах и Анна Петровна в косынке с маленьким красным крестиком, ни дать ни взять – фронтовая сестра милосердия, впрочем, чему удивляться, – вся наша жизнь сплошная война.

Щелчок вожжами. Кошева тронулась, и больница, которую все в Каминске зовут загородной, осталась позади.

«Удивительно, – в последний момент подумал он, – за все время я не видел других больных. Уж не один ли я там был?»

Базыка нахлестывал лошадь, коляска двигалась быстро, но мягко. Все происходило, как во сне. Но дело тут не в хороших каминских дорогах, дело в его нездоровье, болезненном восприятии обстановки, скорее всего...

А впереди виднелся Каминск с деревянными домами, каменными постройками, над которыми, как над первым этажом, возвышался второй этаж в виде куполов двух церквушек и трехглавого собора с золотыми крестами.

Въехали в город, и Базыка стал называть места, где они проезжали. Время от времени он так же, как Борода, оглядывался назад, но не для того, чтобы его лучше слышал седок. Было что-то угрожающее в этих оглядываниях.

«А не готовят ли мне очередную проверку, – подумал он. – Скорее всего так. Значит, нужно быть предельно осторожным и уже сейчас просчитать ее возможные варианты... Скорее всего, все начнется с документов...»

– Остановись, – попросил он Базыку, когда они подъехали к собору.

– Что? – ухмыльнулся Базыка. – Свечку поставить хочешь, себе за здоровье, Бороде – за упокой?

Он ничего не ответил, а Базыка между тем продолжал:

– Правильно делаешь, посмотри, а то уже есть решение уездкома снести это наследие прошлого и построить на этом месте сквер Героев революции.

Несколько нищих двинулись к кошеве, но остановились, увидев, что вместо кучера на козлах сидит Базыка с маузером. Среди нищих выделялся высокий, грязный человек с длинными волосами, чем-то похожий на иконописного Христа. Одет человек был в рубище, похожее на мешок. Ржавая железная цепь висела у него на шее. Он неотрывно смотрел на седока в кошеве и что-то бормотал.

– Видел? – спросил Базыка. – Интересный тип. Зовут его Дервиш. Он считается святым. Он почти ничего не ест. Все время находится с нищими, но милостыню не просит... Ему сами предлагают, это здесь считают за честь... Во, дают!..

Дервиш продолжал что-то бормотать, позванивая цепью. Когда они отъехали от собора, он не мог вспомнить ни одного лица из тех, кто пытался подойти к кошеве, кроме лица и фигуры Дервиша.

После остановки у собора они подъехали к деревянному двухэтажному дому. Базыка привязал к коновязи лошадь, они зашли внутрь, поднялись по шаткой лестнице на второй этаж. Базыка постучал в дверь.

– Кто там? – спросил низкий грудной голос.

– Свои, свои, – сказал Базыка, – открывай, Груша.

Дверь открыла женщина в цветастой юбке, белой кофточке и пестром платке. В женщине было такое необычное сочетание красоты и порочности, что он, посмотрев на нее, невольно отвернулся, как отворачиваются от ослепительного света.

– Знакомся, – начал Базыка, – это хозяйка квартиры, в которой ты будешь квартировать... Зовут ее Аграфена, по батюшке Ивановна.

– Можно просто Груша, – сказала хозяйка, кокетливо и бесцеремонно оглядывая будущего квартиранта.

Потом она повела пришедших в комнату, где не было мебели, а стояла кровать и деревянный табурет.

– Одежду вешать здесь, – проронила Груша и показала ряд гвоздей на стене.

– Нет у него одежды, кроме той, что на нем, – ответил, усмехнувшись, Базыка, – вся его одежда осталась на мосту.

– На мосту, – произнесла женщина и стала промокать глаза кончиком платка.

– Ну-ну, – грубо оборвал Базыка. – Бороду уже не воротить, так чего сырость разводить?..

Пока Базыка говорил с хозяйкой, он подошел к окну и поймал удовлетворенный взгляд одного из замов покойного Борода. Базыка оценил его поступок с точки зрения профессионала. Инспектирующий не какой-нибудь шаркун из города. Знает, что почем... Он смотрит, куда выходят окна.

– Здесь два выхода. Очень удобное пристанище, недаром его любил Борода, – сказал Базыка с ухмылкой.

Потом они вышли из дома, сели в повозку и поехали дальше. Впрочем, «дальше», – было всего через квартал.

– Вишь, – проговорил Базыка, оглянувшись, – мы тебя рядом с отделом устроили... Очень удобно и безопасно... А сам отдел находится в особняке купца Полуянова... А вот и он...

– Замначальника отдела Проваторов, – отрекомендовался ему стройный, как кол проглотивший мужчина лет тридцати.

– Очень приятно, – вывернулся он из ситуации, так и не назвав своего имени.

– Андросов, – представился второй мужчина, исполняющий обязанности начальника отдела.

– Ну а Базыку, – сказал Проваторов, – вы уже знаете. Он у нас спец по борьбе с бандитизмом.

– Квартиру мы вам нашли под боком, – начал Андросов, видимо, недовольный тем, что Проваторов говорит больше, чем он, исполняющий обязанности. – Это на всякий случай... Власть у нас в городе советская... Бандиты далеко, на севере. А здесь все спокойно, если кого и убивают, то только тогда, когда им мешают...

Проваторов бросил укоризненный взгляд на Андросова, и тот понял, что сказал несуразицу.

– Да-а, – протянул гость, – значит, если им не мешать, то они не трогают... Справедливые у вас бандиты.

Андросов чуть стушевался, но потом поправился.

– Я имел в виду, что у нас просто за принадлежность к властям или к милиции не убивают, но мы все равно беспокоимся, создаем условия... Окна дежурного выходят на улицу. Из них видно окно вашей квартиры, правда, со стороны хозяйки...

– А мое, значит, – поинтересовался он, – выходит во двор?

– Да, – подтвердил Андросов и переглянулся с Проваторовым.

«Сейчас начнется», – подумал он и, чтобы инициатива была в его руках, продолжил:

– Ладно, выходят и пусть выходят... Слишком много внимания мне, что я за персона... Что нашли на месте происшествия?

По всему было видно, что он перебил какую-то мысль Андросова, потому что тот стал мыкать, пыкать, а потом вдруг ни с того ни с сего ляпнул:

– Как вы себя чувствуете? Запомнил как вас там по батюшке?

Опасность пронзила мозг: «Началось», но он не позволил эмоциям выплеснуться наружу.

– Не старые порядки, достаточно будет сказать, товарищ из губрозыска...

А между тем Проваторов подошел к сейфу, открыл его и извлек оттуда наган и удостоверение.

– Вот сохранили ваше, – сказал Андросов.

Он открыл удостоверение и взглянул на него, ощущая на себе внимательные взгляды. И опять чувство опасности помогло ему:

– У меня не было оружия, – произнес он, – и это не мое удостоверение.

– Это мы нашли на берегу, – проговорил Проваторов.

– Ты, наверное, перепутал, – вмешался Андросов. Он сунул руку в тот же сейф и вытащил другое удостоверение.

«Оно, – подсказал ему внутренний голос, – надо быть круглым идиотом, чтобы проверять тебя таким образом дважды».

Во втором удостоверении, как и в первом, фотография была размыта водой, буквы расплылись, но все же можно было прочитать. Владелец сего удостоверения был Краевский Александр Петрович, и он, разумеется, был сотрудником губернского уголовного розыска.

– А командировочное? – спросил он.

Проваторов и Андросов развели руками.

– Ну ладно, – сказал он. – Вместо командировочного выпишем дубликат... А теперь я бы хотел знать все, что произошло на мосту в самых мельчайших подробностях, а также все о так называемом архиве.

Все уселись за огромный стол, который раньше служил купцу Полуянову, и Андросов стал говорить. Делал он это с явной неохотой. Он считал зазорным докладывать обстановку мальчишке двадцати с хвостиком лет от роду.

«Краевский Александр Петрович, Краевский Александр Петрович, – мысленно повторял он свое имя и фамилию, пока Андросов рассказывал о том, что случилось на мосту, – первое испытание я прошел, но не надо пилить опилки, сколько их еще впереди».

Между тем Андросов откашлялся и стал говорить об архиве.

– Архив мы нашли... Он находился в доме номер семь по улице Инвалидная... Борода сказал, что лучшего способа одним ударом решить два дела нельзя и придумать.

– Поясните, – перебил его гость, десять минут назад ставший Краевским.

Андросов, этот великий спец по составлению отчетов, не был готов к такому повороту дела и беспомощно посмотрел на Проваторова.

– Дело в том, – начал Проваторов, – что Борода уговорил нас не изымать архив, поскольку все, что делалось в отделе, рано или поздно становилось известно в банде, попро-

бовать сделать засаду в соседнем доме... Однако случилось странное, кто-то третий, причем один, совершил налет на дом и изъял архив и камешки...

– Детали налета, – продолжил он, входя во вкус инспектирующего из губрозыска.

– Средь бела дня, – произнес Андросов, – кто-то ворвался в дом, связал хозяйку и извлек чемодан.

– А где был в это время хозяин?

– Хозяина вызвали в отдел липовой повесткой, – сказал молчавший до этого момента Базыка.

– Кто выписал повестку?

– Мы потом все эту повестку смотрели, и сам Борода удивлялся, что кто-то сумел подделывать его почерк.

– Угу, а что же с засадой, она что? Проворонила нападение?

– С засадой получилось еще интереснее. К ребятам приехал дежурный и сказал, что Борода распорядился снять их.

– А Борода об этом ни сном ни духом не ведал, – вмешался Андросов, – он в это время «отдыхал» у Аграфены.

– Так, – язвительно произнес Краевский, все более влезая в шкуру инспектирующего, – ваши соображения об этом.

– Что тут соображать, – заключил Базыка. Он единственный из присутствующих не испытывал начальственной робости перед Краевским, – искать надо.

– А что сделано для поиска?

– Ориентирована агентура, – начал Андросов. – И все?

– Это немало.

– Так, а почему все же вы решили, что это кто-то третий, а не банда, которая вас провела.

– Нет, – в один голос ответили замы, – бандиты бы не стали связывать хозяйку, тратить на это время, они просто убили бы ее...

– Из этого следует...

– Из этого следует, что это не банда, – сказал Базыка, – я бандитский почерк за версту чую и вижу, это не банда.

– А вдруг бандиты хотели ввести вас в заблуждение.

– Зачем им это делать? – спросил Проваторов.

– Чтобы спокойно переправить архив за кордон, поскольку, знай власти, что архив у банды, они активизируют свою деятельность по поиску и помешают переправить архив.

– А откуда данные, что архив должен быть переправлен за кордон? – спросил Проваторов.

– Да, собственно, ниоткуда, – ответил Краевский, – это только гипотеза...

– Что, что? – переспросил Базыка.

– Предположение, – пояснил Проваторов.

– А не кажется вам, что тот, кто совершал налет, боялся, что его узнает хозяйка и потому надел маску... Значит, хозяйка его могла знать... Но налетчик спрягал только лицо. Голос, походку, манеру держаться изменить невозможно...

– И что это даст? – спросил Андросов.

– Это дает нам возможность предметно подойти к поиску и установить налетчика. Кто может этим заняться?

– Базыка, – предположил Проваторов и пояснил: – Он сейчас наиболее свободная фигура.

– А что дальше? – спросил Андросов.

– На сегодня хватит, – ответил Краевский, – получим данные о налетчике, будем планировать свои действия дальше.

Краевский кривил душой. Он не хотел прерываться, но его стало мутить, и он понял, что вот-вот начнется приступ и не хотел, чтобы он произошел на глазах замов.

Базыка проводил его до двухэтажного дома, но внутрь не пошел.

Краевский поднялся по лестнице, постучал.

Дверь открыла Груша, впрочем, кто еще мог открыть дверь.

– О-о, – сказала она, – а я еще не приготовила ужин.

– Я сегодня не буду ужинать, – ответил он, – мне бы хотелось поспать. Я что-то себя плохо чувствую.

Он успел скрыться в комнате, упасть на кровать, как на него обрушился водопад огня, все замелькало, закружилось, как в учебном кинофильме об образовании земли и планет, и он опять помчался по тоннелю, который, однако, скоро кончился, и Краевский выбежал на открытое пространство... Тут он понял, почему бежит. За ним гнались. Кто-то невидимый бежал за ним, все время сокращая расстояние... Он не видел преследователя, но чувствовал его каждой порой, каждой клеточкой своего тела... Чувство безысходности все сильнее наваливалось на него по мере того, как невидимый преследователь настигал. И тут он увидел забор. Забор стал целью, к которой Краевский стал стремиться. Он шестым чувством понял, что за забором может быть его спасение. Только бы успеть добежать до него и перевалить на ту сторону. Там не должно быть человека в кожане, там нет бандитов, там не проверяют друг друга на вшивость, сшибая выстрелом из револьвера спичечный коробок с головы проверяемого... Там все иначе, нет грязи, нет подозрений, там то, что агитаторы называют светлым будущим.

Он добежал, точнее, доплелся до забора. Еще немного – и он окажется на той стороне... Нужно только немного отдохнуть, и тогда он сможет преодолеть последнее препятствие на пути к спасению. Но невидимый враг не дает ему времени. Он приближается, и Краевскому ничего не остается делать, как повернуться к преследователю лицом. Вот сейчас раздастся выстрел...

«Только бы не в больную грудь», – мелькает последняя мысль.

Но боль пронизывает не грудь, а руку. Он слышит запах камфары и голос Анны Петровны:

– Вот и все, – говорит она, – теперь надо отдохнуть, теперь все плохое позади.

Он и сам понимает, что теперь все плохое позади. Анна Петровна уходит, а он подремывает, думая, что завтра у него все получится. Он будет бодр и тверд, и не покажется коллегам мозгляком из Новониколаевска, которого неизвестно зачем прислали в славный город Каминск.

Он засыпает. Очертания комнаты начинают пропадать. Он вот-вот провалится в глубокую яму, выстеленную чем-то мягким. Но прежде чем провалиться туда, он видит странно знакомое лицо. Это длинноволосый и грязный человек в рубище заглядывает в окно. В последний момент он понимает, что обычному человеку невозможно заглянуть в окно на втором этаже. Он относит это к бреду и засыпает.

Утром Груша стала рассказывать, что услышала стоны и, заглянув в комнату, нашла его на полу. Она тут же сбегала за «фершалкой», благо, та живет рядышком, она пришла и сделала укол...

– Я здорово напугалась, – рассказывала хозяйка, – если бы я знала, что ты припадочный, ни в какую бы не согласилась пустить тебя на постой...

Александр слушал ее вполуха. Все закончилось хорошо, так стоит ли слушать чересчур разговорчивую хозяйку. Он поднялся с кровати, умылся, позавтракал чем бог послал и пошел в отдел.

Переходя улицу, он случайно посмотрел вправо и увидел Дервиша. Тот шел по дощатому тротуару, позванивая цепью. Краевский невольно задержался на тротуаре. Дервиш прошел мимо него, бормоча:

– Могила Бороды, могила Бороды...

«При чем тут могила Бороды», – подумал Краевский и двинулся в обратную сторону.

Когда он вошел в отдел, дежурный вскочил из-за стола и поприветствовал его. Затем нажал какую-то кнопку, и не успел Краевский подойти к лестнице, ведущей на второй этаж, как появился Андросов.

Исполняющий обязанности начальника Каминского отдела милиции так же, как и дежурный, щелкнул каблуками и предложил, прежде чем подняться наверх, совершить небольшую экскурсию по отделу.

На первом этаже размещались: несколько камер для арестованных, из которых раздавались крики и гвалт находящихся там людей; кабинеты следователя и рядовых сотрудников уголовного розыска.

На втором этаже были кабинеты замов, канцелярия и «Красный уголок», который был постоянно закрыт на большой амбарный замок, но в котором в особо торжественных случаях проводились собрания партийной и комсомольской ячеек.

Пока они ходили по кабинетам, Андросов решил донести инспектирующему.

– Базыка не справился с поставленной задачей, – сказал он, – и теперь хозяйку допрашивает Проваторов.

– А у него все получается? – спросил Краевский.

– У него это получается лучше, – ответил Андросов, явно занижая возможности Проваторова.

– А что за грязнуля болтается по городу в мешке? – спросил он Андросова.

– Дервиш, что ли? Он появился с месяц назад с цыганами... Он заболел и остался здесь, а цыгане поехали дальше... Наверное, дожидается, когда они поедут обратно...

– А когда они поедут обратно?

– Осенью, они кочуют только летом, а осенью возвращаются к себе на зимние квартиры на Урал.

– Почему на Урал?

– Не знаю, так говорят, – сказал Андросов и делано захохотал. Смех у него был утробный, как и голос.

Разговаривая, они зашли в кабинет Бороды, который сейчас занимал Андросов.

– Кстати, а где Базыка? – спросил Краевский у Андросова.

– Он обиделся немного и болтается во дворе, но его хватит ненадолго. Он скоро появится здесь, как ни в чем не бывало.

В это время дверь кабинета распахнулась, и вошел Проваторов. Он поздоровался с Краевским и сказал:

– Самое интересное... Кого бы вы думали описала хозяйка по приметам?

– Огнивца? – спросил Андросов и опять захохотал.

– Бороду...

– Бороду? – удивился Андросов. – Как это понимать?

– А так, наверное, и надо понимать, что все это организовал Борода. Он надел маску, проник в дом на Инвалидной, 7 и похитил архив.

– Не может быть, – возразил Андросов, – зачем ему это было нужно?

– Давайте думать. – дипломатично ответил Проваторов.

Сели за стол, чтобы думать, и тут появился Базыка. На его лице не было и тени обиды. Он уселся за стол вместе со всеми и принял участие в обсуждении.

– Итак, – сказал Проваторов – у меня были сомнения еще в то время, когда я узнал, что посыльному отдал указание снять засаду человек, похожий на Борода. Потом еще один момент – повестка, которой вызвали хозяина в милицию...

– Но зачем все это Бороде?

– Он перестал доверять нам, – сказал Проваторов.

– Ну, мне-то он доверял, – обиделся Андросов.

– И мне, – поторопился Базыка...

– С чем я вас и поздравляю, – ответил Проваторов.

– Все понятно, – вмешался Краевский, – Борода решил никому не доверять и провернул эту операцию сам... Поэтому нам ничего не остается делать, как начать поиск архива, который изъят Борода и перепрятал.

– А если все-таки это был не Борода? – спросил Андросов.

– Мы выдвигаем версию – Борода, – сказал Проваторов, – и проверяем ее, результат покажет, он ли был на Инвалидной или не он.

– А как мы будем искать? – спросил Базыка.

– Начнем с обыска у вдовы Бороды и... как я понял, у Аграфены Ивановны, – заключил Краевский.

– Ты правильно понял, – ухмыльнулся Базыка, – но и там, и там мы все тщательно обыскали...

– Да, да, – подтвердил слова Базыки Андросов, – мы действительно искали некие мелочи из отдела и были на обеих квартирах.

– Значит, там искать уже не надо? – спросил Краевский.

– Да, – в один голос подтвердили замы.

– Тогда отработываем до конца вариант с хозяевами дома на Инвалидной.

– Что это нам даст? – спросил Андросов.

– Многое, – ответил Краевский, – начнем с того, как мог архив оказаться именно у этих людей. Сколько лет они живут в этом доме?

– Это не их дом, – сказал Андросов. – Это флигель особняка купца Полуянова. В особняке сейчас интернат для сирот, а флигель оказался свободным. Они получили ордер, привели флигель в божеский вид... Но они ни сном ни духом не знали и не догадывались, что у них под полом есть тайник... А вот налетчик знал это...

– О том, что тайник находится там, знали несколько человек, включая всех вас, – возразил Краевский.

Андросов в ответ на эти слова поморщился, но не взорвался.

– Давайте посчитаем всех, кто прямо или косвенно знал о том, что в доме находится архив.

– Об архиве знали... – начал было Андросов.

– Достаточно много людей, – перебил его Проваторов. – При всем том, что младший состав не должен был знать об архиве, о нем все же знали и те, кто находился в засаде в соседнем доме, и те, кто подвозил их туда. А поскольку в засаде находилось несколько смен, то это количество необходимо умножить на количество смен, и, таким образом, наберется добрых пятнадцать человек. С таким количеством обеспечить конспиративность весьма трудно.

Пока Проваторов говорил, от Краевского не ускользнул ревнивый взгляд Андросова.

«Ревнует и завидует, – подумал Краевский, – правильно завидует».

Сегодняшний доклад Проваторова отличался от вчерашнего доклада Андросова, как резная трость от бревна. Андросов это понимал, но не боялся Проваторова, как возможного конкурента на свободную еще должность начмила. Проваторов нездоров, беспартийный, да и не стремится к тому, чтобы стать начальником, качество редкое во все времена на Руси.

Проваторов в отделе был словно породистая собака среди дворняг. Он сидел в кресле, доставшемся отделу в наследство из имущества купца Полуянова, словно вырос в нем. И все при нем, и носочки, торчащие из ботинок, и рубашка с рукавами на резинках, и металлический портсигар, и то, как он курил... держал папиросу. В движениях его чувствовалась непонятная внутренняя сила, спокойная и неторопливая. Сила чувствовалась и в Андросове, и в Базыке, но какая-то другая сила, похожая на кавалерийскую атаку, к которой готовятся, заводя себя, а потом несутся вперед, рубя в капусту всех, кто попадает на пути.

Краевскому нравился Проваторов, нравилась его уверенность, легкость, с которой он работал с людьми, излагал свои мысли. Краевскому хотелось бы работать с Проваторовым как с начальником милиции. Но ему не стать начальником Каминского отдела еще и потому, что он – бывший, и от этого клейма избавиться не так-то легко, если не сказать большего – совсем невозможно.

Присутствующие понимали, что в утечке информации инспектирующий может подозревать кого угодно, только не Проваторова. Он не заинтересован в продвижении по службе, он, сам того не предполагая, вышел на Бороду. Андросов и Базыка не верят еще, что налетчик – Борода, но Проваторов-то знает, что это был именно он, потому что сам Борода сказал ему об этом. Но чего-то тот не учел. От кого-то информация ушла на сторону. Интересно, от кого?

И вдруг его осенило:

– Кто на конюшне запрягал лошадь для Бороды?

– Главный конюх, как всегда, – ответил Андросов.

– А если начальник, собираясь в поездку, запрягает или приказывает запрячь не коляску, как обычно, а телегу... Это не вызовет подозрений?

– Не знаю, – ответил Андросов, не понимавший, куда клонит Краевский, и поэтому чувствующий свою уязвимость и ущербность.

Зато Краевского понял Проваторов.

– Начальник иногда совершал такие выезды, но делал это редко, и, конечно, если в отделе есть человек, который внимательно следил за этим, он мог выявить такую закономерность. Выезжает Борода на телеге, значит, готовится какая-то конспиративная акция. А в том, что в отделе есть такой человек или даже несколько человек, я не сомневаюсь, все говорит за то, что информация уходит на сторону...

– Да не может этого быть, – сказал Андросов, – у нас служат люди проверенные.

Он хотел добавить: из рабочих и крестьян, – но, поглядев на Проваторова, не добавил.

– На вещи надо смотреть реально, – продолжал между тем Проваторов. – Мы много раз получали по носу, значит, в наших рядах есть человек Огнивца.

– Почему Огнивца? – спросил Андросов.

– Потому, что именно он организатор всего, что происходит вокруг нас. Именно он против власти. Уголовники этим не занимаются. Они не являются организованной силой...

«И здесь он прав, – подумал Краевский, – Андросов просто пытается сказать свое слово...»

– А я не согласен, – запальчиво начал Андросов, – этак все на Огнивца списать можно.

– А так, наверное, и есть, – продолжал между тем Проваторов, – ни одна операция у нас не проходит так, как она должна проходить... Значит, есть утечка, есть человек, который работает на Огнивца... А на Огнивца он может работать либо за страх, либо за совесть, либо за деньги, такое тоже не исключается...

– Сомнительно, что за деньги, – сказал Андросов, – если за деньги, мы бы его уже вычислили... Скорее всего, за страх. Нужно проверить всех, кто имеет родственников на севере... Кто из сотрудников имеет там родственников, тот и мог попасться на удочку... Прямо сейчас и начнем...

– Можно, конечно, пойти этим путем, – произнес Проваторов, – но мне кажется, что сейчас необходимо проверить наиболее вероятный канал утечки информации...

– Какой? – спросил Базыка.

– Допросить главного? – догадался Андросов.

– Зачем же допрашивать, – ответил Проваторов, – возьмем в проверку, выявим связи, посмотрим, как он будет себя вести...

– Да че там проверять, – возмутился Андросов, – доставим сюда, допросим... Базыка, позвони дежурному и ко мне его...

Базыка подошел к аппарату и крутанул ручку.

– Базыка говорит, – начал он. – Пошли кого-нибудь на конюшню, пусть позовет главного... Его Андросов желает видеть.

– Да побыстреей, – вмешался Андросов.

Через четверть часа позвонил дежурный и сказал, что главный конюх сегодня на службу не вышел.

– Машину, – заорал в трубку Базыка, нарушая субординацию, и все присутствующие побежали на улицу.

Единственная машина в отделе в прошлом была каретой «скорой помощи». Отдел «реквизировал» ее в больнице, поскольку покойный Борода сумел убедить уездком партии, что борьба с преступностью вообще и с бандитизмом, в частности, имеет большую политическую актуальность, чем лечение больных. Машину использовали для выезда на крупные происшествия, чтобы не гонять туда сразу несколько экипажей.

Ехали долго. Проваторов, Базыка и Краевский разместились сзади. Андросов, на правах начальника, сел в кабину к водителю.

Дом конюха находился на самом краю города. Это был бревенчатый пятистенник, обнесенный деревянной изгородью. Из-за забора была видна плоская земляная крыша сарая, в котором визжал поросенок, и было ясно, что его не кормили со вчерашнего вечера.

Краевский, который сидел ближе к выходу, вышел первым и двинулся к калитке.

– Осторожней, – сказал вслед ему Базыка, – там собака ростом с теленка.

Но собака не загремела цепью, не залаяла, не бросилась, как это обычно бывает, на приехавших.

Краевский толкнул калитку, но она не поддавалась. Базыка, видя это, отошел подальше от калитки и перемахнул через забор. Сквозь щели было видно, как он осторожно приближается к крыльцу дома, чтобы постучать в дверь. Но вдруг он изменил свое намерение, перестал осторожничать, выпрямился и, ничего не опасаясь, вернулся к калитке и отпер ее.

– Входите и не бойтесь, – сказал он, – этот пес уже никого не сможет укусить.

Пес, о котором говорил Базыка, лежал возле будки, высунув длинный язык. Синий язык и рой мух над псом говорили о том, что он мертв.

Базыка постучал в дверь. Никто не ответил, тогда он перешел к окну. Проваторов между тем обошел дом кругом, вернулся и остановил стучавшего в стекло Базыку.

– Идите за мной, – произнес Проваторов.

Он привел приехавших к тыльной стороне дома, и все увидели выставленное стекло.

– Старый воровской способ, – добавил Проваторов, – стекло намазывается медом, на него приклеивается кусок ткани и стекло выдавливается, причем совершенно без шума.

– Понятно, – сказал Базыка и бегом побежал на улицу. Через минуту он вернулся с шофером, который нес на плече небольшое бревно. Он возил его с собой, чтобы подкладывать под колеса в случае буксовки.

Базыка и шофер, пользуясь бревном как тараном, стали вышибать входную дверь.

– Тук... так... – стучало бревно о дверь, привлекая этим звуком любопытных соседей.

– И раз, и раз, – командовал Базыка, – и последний раз...

После этих слов дверь подалась, и Краевский услышал какой-то металлический щелчок.

– Ложись! – заорал Проваторов, тоже услышавший щелчок.

Базыка, шофер и Андросов мгновенно бросились на землю. Краевский замешкался, и тогда Проваторов сбил его с ног и прикрыл своим телом.

Удара о землю Краевский не почувствовал, потому что вместе с ударом раздался мощный взрыв, и дверь, которую выбивал Базыка с водителем, вылетела во двор вопреки здравому смыслу, поскольку открывалась вовнутрь. Она едва не убила лежащего на земле Андросова.

Когда пыль от взрыва чуть улеглась, четверка, ругаясь, вошла в дом. Впрочем, вошла – это было не совсем точно, поскольку этому действию больше подходило название забралась: первая комната в доме перестала существовать и представляла собой яму, из которой исходил тошнотворный запах, смесь гари вперемешку с запахом крови.

Пройдя по проваленному и скользкому от какой-то слизи полу, руководство Каминского отдела заглянуло во вторую комнату и остолбенело. Первым все понял и бросился обратно во двор Краевский. Однако добежать до земли он не успел, его начало тошнить еще на крыльце.

Базыка свел его с крыльца и дал носовой платок. Рвота прошла, но инспектирующий не мог забыть то, что увидел: головы конюха и его жены, стоящих на столе во второй комнате. На конюхе была надета фуражка, на голове его жены – косынка, завязанная сзади. Было очевидно, что убийца или убийцы проделали это после того, как отсекали им головы.

Базыка достал кисет и предложил закурить всем присутствующим. Даже некурящий Краевский взял сигарку, чтобы забить неприятный запах, которым, казалось, они пропитались в доме. Проваторов закурил свои.

Он, который всегда курил по полпапиросы, отошел первым и сказал:

– Скорее всего, их убили, отделили головы от туловищ, а тела вынесли в первую комнату... Это почерк Огнивца...

Андросов и Базыка только и смогли, что кивнуть в знак согласия.

– Убийцы или убийца сложили обезглавленные трупы возле дверей, а к крючку прикрепили чеку от гранаты, а может быть, и связки гранат. Так что первый, кто открывал двери, должен был погибнуть и уничтожить трупы.

Вот откуда этот отвратительный запах и кровь в первой комнате. Непонятно только, почему дверь вылетела до двор... Чудеса...

– Зачем они это сделали? – спросил Базыка, сворачивая вторую сигарку.

– Можно предположить – они догадались, что с выпиской из больницы нашего гостя мы предположим, что канал утечки информации идет через конюха – это одна версия.

– А вторая? – произнес Андросов.

– А вторая – прямо противоположная первой, – ответил Проваторов.

– Как это? – переспросил Базыка, который уже докурил вторую сигарку и собирался начать третью.

– Может быть, некто таким образом пытается прервать эту цепочку либо показать нам, что прерывает цепочку, которой на самом деле нет и не было...

– Зачем? – спросил Базыка, решивший не начинать третью сигарку.

– Чтобы прикрыть своего человека в отделе.

– Ну, ты даешь, – сказал Андросов, – ты совсем помешался на шпионах. Тут все ясно. Надо посмотреть, не имела ли жена конюха родственников на севере.

– Мне кажется, имела, – предположил Базыка.

– Ну, вот и разгадка этого рекбуса, – ответил Андросов, довольный тем, что вернул новое и непонятное ему слово.

– И все же, – вмешался Краевский, – надо проверять обе версии.

– Ну надо так надо, – согласился Андросов. – Базыка остается здесь охранять место преступления, а мы едем в отдел и присылаем следователя.

В отделе они взяли в кадрах дело конюха. Несмотря на контузию, Базыка оказался человеком с хорошей памятью. У жены конюха на севере проживала мать.

Незаметно пришел вечер. Проваторов и Андросов заторопились домой. Ничего не оставалось делать и Краевскому. Он вышел на улицу и опять столкнулся с Дервишем. Тот прошел рядом с ним, обдав его запахом давно немывтого тела и бормоча:

– Могила Бороды, могила Бороды...

Дервиш скрылся за углом, а Краевский пошел дальше. Но чем ближе он приближался к дому, где его устроили на постой, тем медленней становились его шаги.

Уже возле дома он посмотрел на запад. Солнце было еще высоко, и он, несмотря на предупреждения быть осторожным, решился.

Если Дервиш что-то знает, то и он должен это знать. Если же это ловушка, то может оказаться, что его голова будет отделенной от туловища с той разницей, что стоять ей придется не на столе, а на могиле Бороды.

Краевский зашел во двор дома, пробрался к забору за уборной, выбил ногой две доски и выбрался наружу.

«Если за мной ведется наблюдение, то на какое-то время оно будет сбито с толку», – подумал он.

Дальше он через какие-то помойки выбрался на соседнюю улицу, где столкнулся с пьяненьким мужиком.

– Где находится городское кладбище? – спросил он.

Мужик одновременно качнулся, икнул и весьма неопределенно махнул рукой на запад.

«Ничего себе, объяснил», – подумал Краевский, но пошел в ту сторону, куда указал прохожий.

Кладбище он нашел быстро. Обнесенное каменным забором и рвом, оно казалось островком благополучия, которого не коснулась война и все, что с ней связано. Тяжелые каменные кресты были хорошим тоном для состоятельных каминцев, но неплохо выглядели и деревянные. Видимо, несмотря на разруху, люди еще не разучились быть людьми и, сами живя скудно, отдавали последнее своим близким, покидающим этот мир.

Он прошел по аллее мимо часовенки туда, где виднелись не поросшие травой могилы.

Шпиль надгробия, возвышавшегося над могилой Бороды, был виден издалека. Подойдя к нему, он вдруг понял, что это единственное место, которое он мог найти в Каминске.

– Здорово, Крой! – заставил его оглянуться чей-то голос.

Перед ним стоял Дервиш, грязный, нечесаный, в мешке-рубище и с железной цепью на шее. Но это был не тот Дервиш, какого он видел у собора и на улице. Этот Дервиш смотрел на него не блуждающим взглядом блаженного, а взглядом Чубука из гайдаровской «Школы», которая в то время еще не была написана.

– Ты что, хрен в стакане, на связь не выходишь? – спросил Дервиш.

– О чем это ты? – растерялся Краевский, лихорадочно соображая, что это, провокация или...

– Тебе что, Кожан пароль не сообщил?

– Какой Кожан? – начал говорить он, чтобы протянуть время. – О ком ты говоришь?

– Тот Кожан, который тебя в шестьдесят шестом кабинете кормил хлебом и салом.

«Так, значит, это не провокация, – подумал он, – такие детали не может знать провокатор».

– Ранило меня, – сказал он, – и я кое-что подзабыл.

– Ранило, – уже мягче пробормотал Дервиш, – наберут пацанов в Красную армию... Ранило... Если бы не я, то тебя уже и на свете не было...

– Как это?

– Уйдем отсюда, здесь место издалека просматривается, а там я тебе все расскажу.

Он пошел за Дервишем на старую часть кладбища, где густо росли тополя и в некоторых местах был такой густой кустарник, что приходилось буквально продираться сквозь него.

В самом углу кладбища, рядом с оградой, была низкая скамейка, на которую и указал ему Дервиш.

Краевский уселся и хотел было спросить коллегу о том, как он помог ему не отправиться на тот свет, но сдержался, увидев, чем тот занимается.

А коллега извлек из какой-то складки своего одеяния окурки, раскурил его и сказал:

– Мучаюсь без курева... Я по легенде некурящий... Иногда во сне вижу, что сижу в кабинете в Новониколаевске и курю, и такой кайф приходит...

Он сделал несколько затяжек, посмотрел на небо и произнес:

– Надо торопиться, ты должен вернуться в дом к Груше до захода солнца. Это не значит, что Груша работает на наших врагов. Нет. Но она может обмолвиться, что ты пришел после захода солнца, то есть затемно... И твоим коллегам по отделу станет ясно, что ты куда-то ходил. А тебе лишние подозрения ни к чему, у тебя и так их будет достаточно... Ясно?

– Ясно.

– Ну и ладненько... Так вот, задал ты мне, брат, хлопот... О твоём приезде я знал и как сердцем чувствовал, что тебе какую-то пакость готовят. Прикинул я и понял, что пакость эту удобнее всего организовать на мосту. Вот я там и притаился. Предотвратить акцию полностью я не смог, но одного из покушавшихся уложил, тебя дострелить не позволил и из воды успел вытащить вовремя, пока ты не захлебнулся. На большее у меня времени не хватило: подсказал Базыка со своими людьми, и мне пришлось уносить ноги...

– У меня был револьвер?

– Нет.

– Значит, я правильно поступил, не взяв револьвер у Андросова?

– Да, признай ты этот или какой-нибудь другой револьвер своим, рано или поздно тебе подстроят козу: скажут, что из этого револьвера был убит гражданин N., и ты долго будешь отмыываться и оправдываться, и тебе будет не до выполнения задания. Понял?

– Да. А не значит ли это, что Андросов пытался создать условия для моей возможной компрометации?

– Возможно.

– А не значит ли это, что Андросов и есть человек Огнивца?

– Сомнительно, человек Огнивца, а в том, что он существует, я не сомневаюсь, чрезвычайно хитер. Конечно, он может быть одним из замов, но... Если бы это было так, то это был бы самый лучший вариант для нас. Такой человек не может долго не проявлять себя. Представляешь, насколько ему трудно самому разрабатывать операции и самому же их выполнять. Нет... Это, скорее всего, человек с первого этажа, а может быть, и несколько человек... Одно могу сказать точно, он прочно сидит на крючке у Огнивца и служит ему не только за страх, но и за совесть. Хотя, чем черт не шутит, когда Бог спит, может быть, это один из замов. Но... Базыка слишком упрям и горяч, чтобы выполнять столь деликатную миссию. Андросов – тугодум, если не сказать большего – туп... Проваторов – человек не от мира сего...

– Что же мне делать?

– А ты разве не знаешь?

– Нет.

– Задание выполнять.

– Ну, это понятно, а как? Все изменилось: Борода проявил инициативу и перепрыгнул архив. Теперь никто не знает, где он, и зацепиться не за что...

– Зацепка найдется, – сказал Дервиш, – ее только искать надо. Здесь все просто, работай, крутись, тормози все вокруг, и ты найдешь зацепку...

– А ты что будешь делать? – спросил он Дервиша. Язык не поворачивался назвать это немытое тело на «вы».

– А я буду выполнять свое задание и тебя прикрывать, по возможности, разумеется...

– И все? – разочарованно протянул Красовский. – Я думал, мы будем работать совместно...

– А мы и так работаем совместно, варим одну кашу, но мешаем ее разными ложками. Да, если тебе понадобится револьвер, оторви подоконник в своей комнате. Там же есть пачка патронов. Но пока ты в безопасности. Пока ты всем нужен и замам, и банде. И те, и другие рассчитывают, что ты своими действиями поможешь найти архив. А потом тебя постараются убрать. Одним ты будешь не нужен, потому что победители не любят делить лавры с другими, даже если эти другие нашли архив. А вторым ты будешь не нужен потому, что много знаешь, а значит, имеешь возможность помешать им. Конечно, ты можешь не найти архив и показать и тем, и другим, что ты никакого интереса для них не представляешь. Тогда тебе дадут спокойно уехать. Но не жди, что тебя с оркестром встретят в Новониколаевске. Я подозреваю, что наше с тобой начальство уже прокукарекало наверх, что архив найден и осталось его только переправить в Новониколаевск. Поэтому, если архива не будет – будет дело о двух вредителях, прокравшихся в рабоче-крестьянские органы. Одним из них буду я, а другим – ты... Вот так, парень...

– Не может этого быть.

– Может... Да ты так не переживай. Впрочем, человек не может по своему усмотрению переживать или не переживать. Ты будешь переживать какое-то время, а потом перестанешь... Ты еще молодой и зеленый, а я, брат, перешел ту грань, когда о чем-то надо беспокоиться и за свою жизнь бояться. Мне нет особой разницы – убьют меня здесь, в Каминске, или во время следующей операции в другом городе...

– А ты смелый.

– Нет. Я – усталый. Человек не может долго бояться за свою жизнь, как певец не может долго держать высокую ноту. Наступает время, когда он устает бояться, чувства его тупеют и ему становится все равно, будет он жить или погибнет. Это первый уровень. Затем наступает второй, и человек, уставший от отупения и равнодушия, начинает искать смерти, потому что смерть для него – избавление...

– Избавление от чего?

– От жизни.

– От жизни? Разве есть нормальные, не душевнобольные люди, которые хотят избавиться от жизни?

– Есть, и не так мало, как ты думаешь.

– Чудно.

– Что чудно?

– То, что ты все это мне говоришь. Я никогда не устану от жизни.

– Дай-то бог... Ты что смотришь на меня, как на сумасшедшего. Я вполне нормален. Я знаю, ты сейчас думаешь, чего это он разговорился с незнакомым человеком. Так?

– Возможно, – уклонился от прямого ответа Краевский.

– А все объясняется просто. Это я для тебя незнакомый, а ты для меня – нет, потому что я тебя подбирал на эту операцию в Новониколаевске. Так что ты можешь не удивляться моей разговорчивости.

– Интересно, и почему ж ты отдал мне предпочтение перед другими?

Дервиш усмехнулся и ответил:

– Тому были две причины. Первая – ты хочешь жить...

– А вторая?

– Вторую я не хотел бы тебе говорить, но... кто знает, встретимся ли мы еще раз... Ты похож на брата Огнивца. Это тебя не удивляет?

– Нет. Об этом я догадывался.

– Все понятно. Ты не мог об этом сам догадаться. Видимо, Кожан с тобой не очень грамотно поработал, и ты, как парень неглупый, кое-что понял. Ну ладно, не это главное.

– А что?

– Главное тебе – не потерять желание жить. И все, а остальное приложится. В остальном я тебе помогу. А теперь последний инструктаж. По телефону в Новониколаевск не звони, есть предположение, что он контролируется. Можешь написать письмо якобы в адрес твоего руководства, но в письме ничего не говори об архиве и не спрашивай, как тебе поступить. Все решай сам. Если будет очень туго, заверни левую занавеску в узел, я буду знать, что тебе нужна помощь, да... и переставь кровать к другой стене: там, где она сейчас стоит, – самое простреливаемое со двора место.

– Но комната на втором этаже.

– Это не препятствие для специалиста. И запомни еще одно. Встречаться со мной опасно – и себя сожжешь, и меня. Хотя, пока ты не нашел архив, опасности для тебя не будет: ты всем нужен живой. А вот если архив будет найден и об этом будут знать в отделе, то за твою жизнь я не дам и нитки от моего рубища... Если ты его найдешь, сразу организуй отправку в Новониколаевск. Сразу... В этом случае есть надежда. Поскольку для того, чтобы связаться с бандой, человеку Огнивца потребуется какое-то время. Рассчитай его, и за это время ты должен отправить архив и скрыться...

Дервиш замолчал, потом сорвал с могилы пучок какой-то травы и стал жевать.

– Это для того, чтобы отбить запах, – пояснил он. – И последнее, если кто-нибудь из твоего окружения обмолвится обо мне или, того хуже, предложит взять меня в работу, то дела мои хреновы, но еще не смертельны...

– Почему?

– Потому что это может дать тебе ключ к дверям, за которыми находится человек Огнивца.

– А тебе?

– А мне будет сигналом, что надо сматываться.

– А как ты об этом узнаешь?

– Очень просто. Об этом мне сообщишь ты, завязав в узел правую занавеску в своей комнате. Усвоил? Правую. И не перепутай: левая – опасность для тебя, правая – для меня. Понял?

– Да.

– Ну, тогда прощай... тьфу ты... мать твою, до свидания... в Новониколаевске, – сказал Дервиш и вдруг исчез.

– Итак, – начал Проваторов, – ниточка, которая появилась в наших руках, тут же оборвалась.

Он сидел в кресле в своей излюбленной позе, закинув ногу за ногу. Андросов, Краевский и Базыка расположились за столом в кабинете покойного Бороды.

– Что же делать дальше? – спросил Базыка.

– Сначала надо подумать, – ответил Проваторов.

– Какие будут предложения? – сказал Андросов, вспомнивший, что он исполняет обязанности начальника.

– У меня возникла мысль, – произнес Краевский так, как будто не хотел расставаться с этой мыслью.

Пауза затянулась, всем хотелось узнать, что же за мысль возникла у гостя из Новониколаевска. Но тот молчал, уставившись в зеленое сукно стола, как будто на нем было что-то написано.

– Так что за мысль? – спросил Андросов, чувствовавший себя председателем на некоем собрании.

– Я вчера осматривал отдел и заметил одну особенность, – начал Краевский. – Жизнь в отделе течет как бы на двух уровнях. На первом этаже рядовые сотрудники, на втором – начальство. Ко второму уровню я временно отнесу и себя. Мы прямо сейчас разработаем очередную операцию, как обычно с участием представителей всех уровней. Но это будет ложная операция, потому что вместе с ней мы будем проводить истинную операцию, о которой будут знать только четверо, то есть все мы – сотрудники второго уровня. Осуществляя истинную операцию, мы будем искать архив, а ложная операция поможет нам найти канал утечки информации к банде...

– Как мы это сделаем? – спросил Андросов.

– Да? – примкнул к нему Базыка. Проваторов, чуть усмехнувшись, сказал:

– Идея ясна, и цель ложной операции может быть достигнута, но... при одном условии... Это можно сделать, если мы точно знаем, что ни один из нас не работает на Огнивца.

– Ну вот... опять, – возмутился Андросов, но Краевский поддержал Проваторова.

– Все правильно, – согласился он, – мы будем, исходить из предположения, что ни один человек из здесь сидящих не является человеком Огнивца.

– А-я-яй, – покачал головой Андросов, которому сама мысль о том, что его могут подозревать в связях с Огнивцом, была неприемлема.

– В чем будет заключаться операция? – спросил Проваторов, не обращая внимания на причитания исполняющего обязанности.

– Операция поможет нам убить трех зайцев, – продолжал Краевский.

– За двумя зайцами погонишься, – проговорил Базыка, не глядя на Краевского.

На Базыку сурово посмотрел Андросов, и тот замолчал.

– Первый заяц, – продолжал Краевский, – мы найдем архив и камешки...

– Фью! – присвистнул Базыка, но его снова оборвал сердитый взгляд Андросова.

– Второй, – сказал Краевский, все более входя во вкус, – дезинформация банды, и третий – выявление человека Огнивца.

– Да, – задумчиво протянул Андросов, – вот это замах.

– И все это мы начнем делать сейчас же. Прямо после совещания сядем в автобус и поедем по какому-либо адресу, а затем распустим слух, что нашли архив и собираемся его на днях отправить в Корябинск под усиленной охраной. Таким образом, мы выманит банду из урмана и перебьем ее.

– Это понятно, – сказал Базыка, – но как мы найдем настоящий архив?

– А мы не будем его искать, – ответил Краевский.

– Как? – в один голос спросили Андросов и Базыка.

– А так... Ребенку понятно, что налет на Инвалидную-семь сделал сам Борода. Он решил всех сразу провести, во-первых, и, во-вторых...

– Заставить человека Огнивца проявиться? – спросил Проваторов.

– Да, – ответил Краевский, – и Борода сам мне сказал об этом.

– Так вы знали, что налетчик был Борода? – спросил Андросов, явно обиженный тем, что его водил за нос мальчишка из Новониколаевска.

– Конечно.

– А почему не сказали нам?

– У меня не было уверенности, что кто-то из вас не является человеком Огнивца.

– Ну, – произнес Андросов возмущенно, – это никуда не годится, ведь так и мы можем подумать, что вы – человек Огнивца.

Краевский ничего не ответил на это, а только развел руками, дескать, все в ваших руках и это тоже.

– Стоп, стоп, – перебил их спор Проваторов, – а Борода не успел сказать, куда он прятал архив?

– Сказал.

– И где же? – одновременно выдохнув на последнем слоге, спросили замы.

– Беда в том, что меня сильно контузило и я забыл адрес, который назвал мне Борода... Но я надеюсь, что со временем память ко мне полностью вернется и я его вспомню. Вспомнил же я, что мне говорил Борода...

– Так, – разочарованно протянул Базыка, – ну и дела...

– А я думаю, – сказал Проваторов, – план Краевского надо принять, да и другого у нас нет.

– А я считаю, – произнес Андросов с упором на «я», – план нужно хорошенько продумать.

– Продумать, конечно, надо, – ответил Проваторов с легкой иронией, – «продумывать» надо любой план.

– А этот в особенности, – уточнил Андросов, – что-то мне в нем не нравится... Краевский не верит нам, а почему мы должны верить ему. А вдруг он и есть человек Огнивца? Кто встречал его в Корябинске? Борода. Где сейчас Борода? На кладбище... Кстати, товарищ из губугрозыска, не потрудитесь ли вы объяснить, где вы были вчера в течение целого часа перед самым заходом солнца?

– Я ходил на могилу Бороды, – ответил Краевский как можно спокойнее.

– А не скажете ли вы нам, почему вокруг вас все время вертится один грязнуля по кличке Дервиш?

– Я не заметил, чтобы он вертелся вокруг меня, но если он действительно вертится, то его следует взять в работу.

– Арестовать? – спросил Базыка.

– Нет, ни в коем случае, за ним нужно понаблюдать, установить его связи... вдруг они приведут нас к банде.

– Хорошо, – сказал Андросов, – я отдам распоряжение последить за Дервишем. А как мы проведем ложную операцию?

– Мы привезем в отдел липовый чемодан с камешками и архивом, и все будут знать, что он хранится в кабинете Бороды в большом сейфе.

После этих слов все замы переглянулись.

– Я сказал что-то не так? – спросил Краевский.

– Все так, – с неохотой произнес Андросов, бросив недовольный взгляд на Базыку, который захихикал, видя растерянность исполняющего обязанности.

– Дело в том, – выручил Андросова Проваторов, – что Борода потерял ключ от большого сейфа и весь отдел об этом знает.

– Ну это дело поправимое, – сказал Краевский, – мой начальник в Новониколаевске Тарус много раз терял ключи от своего сейфа...

– Это не совсем обычный сейф, – продолжал между тем Проваторов, – он встроен в стену кабинета, и извлечь его оттуда можно только со стеной или, лучше того, с особняком. Этот сейф у купца Полуянова был самым хитрым. Его открывал единственный ключ, который имел такую немислимую конфигурацию, что ни один медвежатник, сидящий в нашей тюрьме, не смог его до сих пор открыть...

– Но нам и не нужно в конце концов прятать этот чемодан в сейф. Пусть он стоит здесь под столом, лишь бы первый уровень об этом знал.

– А вдруг человек Огнивца не сможет передать информацию в урман? – спросил Проваторов.

– А он и не должен передавать ее в урман. Если дело обстояло так, то ни одна ваша операция не была бы провалена. Слишком долго информация должна идти туда и возвращаться обратно. Скорее всего, информация передается кому-то в городе.

– Логично, – протянул Проваторов, – весьма логично, а...

– А еще мы подстрахуемся таким образом. Я слышал, у вас в тюрьме сидит Бурдуков, который был в банде.

– Но это бандюга из бандюг, – сказал Базыка, – его ждет вышка после суда. Он с нами работать не будет.

– А мы и не будем привлекать его к сотрудничеству. Мы покажем ему чемодан во время очередного допроса, намекнем, что отправляем его в Новониколаевск, а потом дадим ему возможность бежать.

– Правильно, – поддержал его Проваторов, – зная, что он убежит, мы проследим цепочку, которая приведет нас к Огнивцу, и у нас в руках будут три зайца: цепочка – раз, дезинформированный Огновец – два, условия для окончательного разгрома банды – три.

– Да-а, – протянул Андросов, поглядев на Краевского и Проваторова, – гладко у вас получается, а как же быть с камешками и архивом?

– Камешки и архив будем искать, – ответил Краевский, – начнем с того, что допросим жену Бороды.

– Это ничего не даст. Борода не тот человек, чтобы делиться с женой секретами.

– И все-таки надо ее допросить, – настаивал Краевский, чувствуя, что инициатива, чуть было не выпущенная из рук, снова возвратилась к нему. – Всем нам заниматься этим не стоит, поручим это одному. Я полагаю, что лучшей кандидатуры, чем исполняющий обязанности начальника отдела, и быть не может.

– Я... я... – чуть не задохнулся от возмущения Андросов и посмотрел на Проваторова, словно ища у него поддержку.

– Пожалуй, – согласился Проваторов, и сделал вид, что не заметил этого взгляда.

– Хорошо, – немного подумав, ответил Андросов, – завтра с утра этим займусь.

После столь волнующего дня, когда его обвинили в том, что он человек Огнивца, Краевский приплелся на квартиру, прошел в свою комнату, даже не заговорив с Грушей.

В комнате он уселся на кровать и стал размышлять.

«Итак, пронесло. Замы приняли мое предложение, осталось расставить капканы и ждать. Сработает один из них – прекрасно. А не сработает – тоже хорошо. Значит, утечка происходит все же на уровне замов».

Теперь надо было позаботиться о Дервише, поскольку над его головой собирались тучи. Он бросил взгляд на окно и остолбенел.

– Груша! – заорал он в следующий момент. – Где занавески?

– Я их замочила, – ответила та игриво, появляясь в дверях комнаты, – они уже месяц как не стираны.

– Но я не могу спать без занавесок, – нашелся он.

– У меня нет других, – сказала хозяйка, видимо, мстя ему за то, что он даже не поговорил с ней, когда пришел.

– Повесь сырые, – взмолился он.

– Вот еще, – ответила Груша, – не сглазят вас, завтра они высохнут, и я их повешу.

«Вот черт, – подумал он, – ну ладно, у Дервиша запас времени дня два-три, хватит... Завтра дам ему сигнал. Только бы что-нибудь другое не помешало».

Краевский был так измотан, что не стал ужинать и лег спать.

Утром он пришел в отдел и, как и ожидал, не застал там Андросова.

– Укатил допрашивать жену Бороды, – доложил ему Проваторов, – неудобно было вызывать ее в отдел, да и разговоры бы пошли лишние, почему, мол, архив нашли, а жену Бороды допрашивают. Логично?

– Да, – согласился Краевский, – а где Базыка?

– С лошадьми. Он лошадей любит больше, чем людей. Я подозреваю, нет ли в нем цыганской крови?

Так они болтали ни о чем, пока не пришел Базыка и не передал просьбу Андросова «срочно приехать к дому Бороды».

– Что бы там ни случилось, – сказал Краевский перед выездом, – нужно сделать вид, что мы едем за архивом и возвратиться с чемоданом.

– А где мы возьмем чемодан? – спросил Базыка.

– Украдем, – пошутил Проваторов.

В таком полушутливом настроении прибыли они к дому покойного Бороды и увидели, что у ворот прямо к забору привязаны две кошевы: одна Андросова, а другая принадлежала загородной больнице.

На крыльце дома сидел и. о. начмила, его трясло. Увидев подходящих к нему замов и Краевского, он вскочил и стал почему-то показывать им свой револьвер.

Проваторов, Базыка и Краевский молча обошли его. И стали подниматься по ступенькам.

В комнате был врач. Он отошел от кровати, чтобы позволить вошедшим увидеть то, что там произошло.

Жена Бороды лежала на кровати в луже крови. Поразительно было то, что крови было много, и казалось, что женщина лежит не в кровати, а в ванной, наполненной кровью.

– Ее застрелили, а затем истыкали ножом, – пояснил врач.

– Базыка, – попросил Проваторов, – срочно опроси соседей, может быть, кто-то что-нибудь видел или слышал...

Базыка исчез, а Проваторов, Краевский и врач вышли во двор. Там их встретил Андросов, он вновь стал показывать свой револьвер Проваторову.

– Поедем в отдел, – сказал Проваторов, – там поговорим.

– Когда наступила смерть? – спросил Краевский у врача.

– Судя по отсутствию трупных пятен и температуре тела – недавно... от силы часа два назад.

– Не может этого быть, – возмутился Андросов, – скажи ему.

Он потянул Проваторова за рукав, но тот только развел руками.

Только они вышли из автобуса, как к отделу верхом подскакал Базыка. И опять четверка второго уровня заперлась в кабинете Бороды. Проваторов и Базыка курили. Андросов без умолку говорил, обращаясь к присутствующим по очереди.

– Сам не знаю, как получилось, – оправдывался он. – Я понимаю, вы подозреваете меня... Но разве я мог это сделать?! Разве я дурак, чтобы сам на себя подозрение взваливать? Мне даже кажется, что я слышал выстрел, когда входил в дом.

– Сосед Бороды говорит, что он тоже слышал выстрел. Но это было после того, как ты вошел в дом, – сказал Базыка.

– Ну не убивал я ее, не убивал, – выкрикнул Андросов и выругался, – я вчера грешным делом подумал, что конюха и его жену Базыка убил. А сегодня сам попал в такую же историю.

– Ты ничего не заметил, когда подходил к дому? – спросил Базыка.

– Нет, – ответил Андросов, – хотя...

– Мне кажется, – вмешался в их диалог Проваторов, – кто-то пытается всех нас по очереди скомпрометировать. Теперь я сомневаюсь, что налет совершил Борода. Борода также мог быть скомпрометирован, как и Базыка, и Андросов, и...

– Вспомнил, вспомнил, – заорал Андросов, – там крутился этот грязнуля.

– Что за грязнуля? – поинтересовался Проваторов.

– Дервиш, – сказал Базыка, удивляясь недогадливости самого умного зама.

– Дервиша надо арестовать, и немедленно, – произнес Проваторов.

– Нет, – возразил Краевский, – так не пойдет. Мы только начали работать по нему, давайте подождем хотя бы еще сутки. Куда он от нас денется?

– Ладно, – согласился Проваторов, – подождем сутки, хотя я бы его арестовал и не только потому, что он подозрителен... Просто ему в тюрьме будет безопасней...

– Во жизнь пошла, – съязвил Базыка, – в тюрьме безопаснее, чем на свободе.

На том и порешили.

– Я поеду домой, – сказал Андросов, – я что-то плохо себя чувствую, за себя оставляю Проваторова.

– Я тоже сегодня отдохну, – произнес Краевский, – для моей неокрепшей нервной системы три трупа за два дня слишком много, боюсь не возвратились бы...

– Да, да, – перебил его Проваторов, – идите. Мы с Базыкой съездим для вида за город и привезем какой-нибудь чемодан, а потом накажем дежурному смотреть за ним тщательно.

Проваторов еще что-то говорил, но Краевский уже шел к двери: ему надо было успеть добраться до квартиры до припадка и дать сигнал Дервишу.

По лестнице он уже бежал. Груша долго не открывала, и он уже отчаялся, как вдруг все произошло само собой, двери открылись, он прошел в свою комнату, сказал хозяйке, чтобы она вызвала Анну Петровну, если начнется припадок, закрыл дверь и подошел к окну.

Аграфена уже повесила свежие занавески, и он завязал правую узлом, а затем, подумав, завязал и левую, чтобы Дервиш не перепутал. Пусть знает, что опасность грозит им обоим, но сматываться надо ему – Дервишу.

Едва он успел сделать все это и добраться до постели, как на него навалилась тошнота, но не та, которая может быть облегчена рвотой, а тошнота душевная, от которой никак нельзя избавиться.

И все опять повторилось. Он снова бежал по длинному коридору на подгибающихся ногах к забору, за которым было спасение. На этот раз его преследователь проявил нерасторопность, и он успел переправиться через забор и оказался в совершенно другом мире.

Этот мир был фантастически спокоен и нетороплив, даже не верилось, что такой мир вообще может существовать. В этом мире не было войн, не скрывались в урманах банды, не стреляли на улицах, не было деревянных и глиняных развалюх и огромных помоек за домами, не было людей в изношенных одеждах, не было подозрительности на их лицах...

Наверное, это был социализм, о котором так много говорили на собраниях в комсомольской ячейке. Ибо там были высокие многоэтажные дома, в окнах которых горел яркий свет от электрических ламп, а не керосинок. Огромные светильники каким-то голубым светом заливали улицы, спешили по своим делам люди, куда-то мчались автомобили, и некто Кроев сидел в большой аудитории и слушал лекцию молодого профессора по криминалистике. Профессор совсем не походил на тех профессоров, какие преподавали на юрфаке до революции. Краевский смотрел на сидящих в аудитории парней и девушек и страшно завидовал им, потому что они еще не знали того, что знал он, не испытали того, что испытал он.

А еще Краевский понимал, что в той жизни он человек случайный. После того как он почувствует боль от укола, он снова возвратится туда, где человеческая жизнь не стоит и нитки от рубища нищего, где кровь и безысходность, где даже победитель не чувствует себя

победителем, потому что нет победителей в войнах гражданских и их отголосках, войнах бандитских...

На этот раз он не почувствовал укола, но, проснувшись утром, обнаружил маленькую красную точку на вене левого предплечья. Значит, была Анна Петровна, и он с ее помощью вышел из припадка.

Без стука в дверь вошла Аграфена.

– Проснулись? – сказала она. – Вот и хорошо. А я вчера сбегала за Василичем, и он сам сделал укол. А еще он сказал, что это последний припадок, что теперь они прекратятся и что вы проживете тысячу лет.

Он слушал и улыбался ее болтовне, своему состоянию, солнцу, светящему в окно через задернутые занавески... «Занавески!»

– Кто развязал занавеси? – заорал он. – Кто?

– Я, – сказала Аграфена и опустилась на табурет, – я увидела, что они завязаны в узел и развязала. Я думала, что вы не в себе были, когда их завязывали в узел...

– А-а! – буквально завыл Краевский, вскочил с постели и схватил хозяйку за горло. – Кто тебя надоумил это сделать, кто?

– Вы что? – завопила хозяйка, вырываясь. – С ума все посходили – хочешь как лучше... Вот и Борода такой же был, псих...

Встряхнув Аграфену еще раз, Краевский подбежал к окну и отдернул занавески.

То, чего он больше всего опасался, случилось. На тополе, ветви которого располагались почти у самого окна, висел Дервиш.

Он был грязен, бос, рубище выглядело мешком, и сам он был похож на Христа, только не распятого, а повешенного. Глаза Дервиша были закрыты, лицо черно, а вывалившийся из рта язык был таким распухшим и толстым, что вряд ли патологоанатомы могли всунуть его обратно.

– Господи Иисусе! – запричитала хозяйка. – Господи Иисусе...

Краевский отвернулся и сказал Аграфене:

– Сбегай в отдел, пусть приедет кто-нибудь из замов.

Пока приехали замы, пока осматривали и снимали Дервиша, Краевский сидел на полу, не поворачиваясь к окну.

И только тогда, когда тронулась приехавшая за трупом телега, выглянул на улицу.

Дервиша не удосужились даже накрыть чем-нибудь. Он так и лежал, уставя в небо распухший язык, словно пытаясь подразнить весь свет.

– Да-а, – сказал Проваторов, когда вся четверка собралась в кабинете Бороды, – еще один труп. Многовато...

– А ведь было же предложение арестовать Дервиша, – заметил Андросов и посмотрел в сторону Краевского.

– Но трупы трупами, а нам нужно заниматься делом. Петрович, – так впервые за все время знакомства обратился к Краевскому Проваторов, – пересядь в мое «инвалидное» кресло.

Краевский перебрался в кресло, где всегда сидел Проваторов, а Проваторов сел за стол на место Краевского и произнес:

– Мы начали операцию. Вчера с Базыкой привезли в отдел липовый чемодан с архивом. Разумеется, мы не афишировали этот привоз и даже некоторым образом скрывали этот факт, но о нем уже знают все сотрудники, которые отнесены нами к первому уровню... Завтра мы приведем из тюрьмы на допрос Бурдукова... Допрашивать его буду я. В ходе допроса я покажу ему чемодан, расскажу, что мы взяли архив и собираемся через три дня отправить его на станцию, а оттуда в Новониколаевск.

Краевский в обсуждении не участвовал. Случившееся странным образом действовало на него. Перед его глазами висел Дервиш, но ему не хотелось потрясти головой или сделать еще что-нибудь для того, чтобы избавиться от видения.

«Кто был Дервиш на самом деле? Как его звали? Была ли у него семья? Остались ли родственники? Все покрыто мраком... Типичная смерть секретного сотрудника».

Краевский поймал себя на мысли, что ему не жалко Дервиша. словно там, на дереве, висел не его коллега, а мешок, в котором тот пребывал последнее время. Осознав это, он также равнодушно подумал, что незаметно перешел на первый уровень, но не в придуманной им операции, а в той иерархии, о которой когда-то говорил Дервиш.

– Бурдукова привезут на машине? – спросил Андросов.

– Нет, – сказал Проваторов, – я думаю, проще будет, если его приведут под конвоем.

– А конвоировать его будет Масокин, – заметил Андросов.

– Ничего себе! – возмутился Базыка.

– А кто такой Масокин? – механически произнес Краевский, уловив необычные интонации в голосе Базыки.

– Долгая история, – начал объяснять Проваторов, – Масокин когда-то служил в полусотне Базыки, но был изгнан с позором за тупость: не мог запомнить отдельные положения устава. После службы в полусотне он устроился в тюрьму конвоиром.

– Не это главное, – перебил Проваторова Базыка, – а главное в том, что он толст и неповоротлив, как бегемот на суше, но убежать от него невозможно.

– Почему? – спросил Краевский, все более втягиваясь в разговор.

– Масокин, – сказал Базыка, – попадает из винтаря в почку от тополя.

– Тогда надо заменить конвоира...

– Не надо менять, – возразил Проваторов, – у нас в отделе есть специалист по варке патронов.

В ответ на эти слова Базыка ухмыльнулся во весь рот, и Краевскому стало ясно, кто этот специалист.

– Я уже отварил несколько обойм, – сказал Базыка. – Две из них я подложу Масокину. Он может расстрелять все патроны, но ни одна пуля не попадет в Бурдукова. А в этой ситуации убежать от Масокина не сможет только дурак.

Потом все стали обсуждать другие детали операции. Где удобнее отвлечь внимание конвоира? Как незаметно расставить посты наблюдения, чтобы проследить путь и определить место, куда направится Бурдуков.

Все было, как обычно, кроме трюка с патронами, и Краевский засомневался в поварском искусстве Базыки.

– Обижаешь, начальник, – сказал Базыка и пригласил всех в автобус.

Шофера с собой решили не брать, за руль посадили Проваторова.

В березовой рошце Базыка прикрепил к дереву кусочек газеты. Потом отошел на два шага и выстрелил из винтовки. Осечка.

– Может, кто желает попробовать? – спросил Базыка.

Попробовать изъявили желание все, но никому не удалось продырявить газету.

– Ни одного выстрела... Вот это результат, – с восхищением сказал Андросов.

– В чем секрет? – спросил Базыку Краевский.

– Никакого секрета. Это старый трюк. Бросаешь в кастрюлю с кипятком горсть патронов и кипятишь их с часок. Порох и пироксилин сыреют и не воспламеняются.

– Ловко, – согласился Краевский, – а вдруг завтра это не работает?

– Этого не может быть, – самоуверенно заявил Базыка.

По приезде в отдел замы и Краевский опять уединились в кабинете Бороды.

Базыка закрыл дверь на крючок к удивлению Краевского и позвонил дежурному:

– У руководства отдела совещание, просим не беспокоить.
– К чему такие предосторожности? – спросил Краевский.
– Сорок дней по Бороде, – ответил Базыка, – да и нам следует расслабиться, снять напряжение после стольких смертей.

– А стоит ли? – спросил Проваторов. – Завтра ответственный день...

– Стоит, стоит, – сказал Андросов.

Базыка, услышав это, вытащил из-под стола мешок, именуемый в Каминске «сидом», и выставил его на стол, извлек из ящика стола четверть самогона. Тут же появились три стакана, и Краевский понял, что Проваторов, видимо, вследствие его болезни, не считается в отделе полноправным участником застолья.

Закусь была небогатой, но достаточно сытной. Хлеб, сало, вареная картошка.

– Ты что, женой обзавелся в обход отдела кадров? – спросил Андросов Базыку.

– Еще чего, – отозвался Базыка, – самогон ребята конфисковали, а закусь Аграфена пожертвовала.

Базыка взял в руки стакан и устался на Андросова, который готовился произнести речь.

Речь Андросова была длинной и бестолковой. Он начал, как обычно, с того, что мы окружены врагами, а закончил заверениями о неизбежности победы мировой революции.

Поскольку в речи Андросова не было сказано ни слова о Бороде, Краевский напомнил об этом.

Все замы, включая тактичного Проваторова, посмотрели на него как на сумасшедшего или представителя другого времени: только ему могло быть непонятно, что Борода – борец за торжество мировой революции, а значит, речь как раз шла о Бороде.

После первого выпитого стакана все, включая не пившего Проваторова, оживились и разговорились.

– А ты знаешь, – заявил Андросов, грозя Краевскому пальцем, – я сначала думал, что тебя из губернии прислали присмотреться, чтобы потом назначить начальником, а потом смотрю – не-а... Ты еще зелен для начальника.

– Ну почему же, – язвительно заметил Проваторов, – в Гражданскую полками командовали шестнадцатилетние, а дивизиями – двадцатилетние, если исходить из этого, то Краевский для нашего отдела явный перестарок.

– Ну, сейчас не Гражданская война...

– Как сказать, – ответил Проваторов.

– Что ты имеешь в виду? – запетушился Андросов.

– Война – это не всегда фронт, армии... Война – это мертвые, падение нравов, обесценивание человеческой жизни.

– Войну мы закончили на Тихом океане, – сказал Базыка.

– Хорош трепаться, – пьяно произнес Андросов, – давай еще по одной.

Выпили еще по стакану, и Краевский стал плохо соображать, где он, чем занимается. Однако внутренний голос все время нашептывал: в пьяном виде человек хуже обычного контролирует свои поступки и слова.

– Слушай, – обратился он к Базыке, – ты сказал, что закусь готовила Аграфена. Она что, была любовницей Бороды?

– У Бороды не было любовницы, – влез в их разговор Андросов, – у него был товарищ по досугу... Ясно?

– Ясно, ясно, – как бы оправдываясь в чем-то, произнес Базыка и предложил выпить еще.

– Ну, довольно, – сказал Проваторов, – а то вы по пьянке Аграфену делить начнете.

– Делить не начнем, – ответил Базыка, – а поговорить можно. Почему бы не поговорить? Уж лучше о бабах говорить, чем о трупах и смертях...

– А что ты знаешь о смерти?

– Это ты мне говоришь, мне? – возмутился Базыка. – Да я столько смертей видел...

– Ты видел, как умирают люди, но не видел смерти.

– Что за чепуха, – вмешался в их спор Андросов, – кончайте, нашли о чем говорить.

– А я видел смерть, – сказал Краевский, и все посмотрели на него.

– Тут все ее не раз видели, – стоял на своем Базыка...

– Да я не про это... Когда я ехал с Бородой в телеге, я видел женщину в белом. Она парила в воздухе впереди лошадей. Это было перед тем, как взорвалась граната.

– Ерунда, – сказал Андросов, – так не бывает, ты, наверное, перегрелся на солнце.

– Или тебе спрросонья показалось, – добавил Базыка.

– Да нет, – начал было оправдываться Краевский.

– А не выпить ли нам за человека, который может видеть смерть, – сказал Проваторов и достал из ящика стола маленькую рюмку, – я, пожалуй, тоже приложусь.

– Ну, дела! – изумился Андросов и стал разливать остатки самогона.

Проваторов взял в руки рюмку, не ожидая других, опрокинул ее в рот, пошевелил губами и произнес:

– Однажды, а было это в пятнадцатом году под Сморгонью на фронте, я вдруг увидел на бруствере женщину в белом. Сам не знаю почему, но я поднялся и пошел за ней. А она не шла, а парила в воздухе. Так я шел за ней до вершины холма, а потом она исчезла. И только потом я посмотрел вниз и увидел, что все наши ходы сообщения и блиндажи заполняются желто-зеленым туманом. Это был хлор, о котором мы тогда еще не знали. Из всей нашей батареи тогда я один остался живой. Уже после я понял, что эта женщина и была смертью...

– Не-а, – сказал Андросов, – если бы человек мог видеть смерть, то он был бы бессмертен. Если он видит смерть – то убежит от нее и спасется.

Краевский хотел возразить ему, сказать, что человек не всегда боится смерти. Есть минуты, когда смерть – облегчение, избавление от страданий. Но некий конвоир, сидевший в мозгу с того времени, как он стал основной фигурой в операции, задуманной Новониколаевским управлением ГПУ, остановил его.

– А знаете, – самопроизвольно вырвалось у него, – какие последние слова были сказаны Бородой?

Все замерли, надеясь на то, что эти слова станут ключом к...

– Он сказал... «воротник»...

– Воротник? – переспросил Андросов. – Причем здесь воротник?

– Кто его знает, – ответил Краевский, удивляясь, что Проваторов не проявил к этому никакого интереса.

Но поговорить дальше о последних словах Бороды им не удалось, потому что пьяный Базыка начал свой монолог.

– А вы знаете, какой был у меня дед? – сказал он. – Нет, вы не знаете, какой у меня был дед... Мой дед первым посадил сад из стелющихся яблонь на севере. В саду у него было три улья. А еще у него было пять сыновей и десять внуков. И когда дед отжимал руками соты, мы, его внуки, подходили к нему и облизывали пальцы. Понятно? У каждого внука был свой палец, и мы никогда их не путали. Я был самым младшим и мне достался мизинец на левой руке.

По мере того как Базыка приближался к концу рассказа, Андросов и Проваторов отодвигались от него, и Краевский догадался, что этот монолог звучит не первый раз и замы знают, чем он закончится.

– А потом, а потом, – задыхаясь, заговорил Базыка, – пришла банда и деду все пальцы отрубили... Я знаю, что там был и Бурдук, а вы ему побег готовите. Побег, да я его в капусту...

Андросов и Проваторов шарахнулись от Базыки, а тот выхватил шашку и, как при рубке лозы, наискосок рубанул по зеленому сукну стола.

Шашка вошла в поверхность стола так глубоко, что Базыка не смог ее вытащить с первого раза. Он сделал еще одну попытку, но Андросов с Проваторовым уже навалились на него, оттащили от стола и от шашки.

– Петрович, – закричал Проваторов Краевскому, – налей самогонки!

Краевский, разливая жидкость на стол, наполнил стакан, подошел к Базыке, которого крепко держали за руки его коллеги, и вылил содержимое стакана ему в рот.

Базыка стоически перенес вливание, только чуть поморщился и произнес:

– Дайте занюхать.

Краевский поднес к носу Базыки кусочек сала. Тот шумно втянул воздух ноздрями, потом выдохнул и, изловчившись, схватил сало зубами. Пожевав его, он сделал глотательное движение и упал на пол.

– Слава богу, – сказал Андросов, – уснул... Теперь он месяц будет кроткий, как ягненок. Осталось там что-нибудь?

«Там» оставалось еще по доброму стакану всем, кто не спал. Пил ли он остатки самогона, Краевский не помнил. Проснулся он в своей комнате на кровати. Рядом на полу, завернувшись в огромную, порыжелую от времени шинель, спал Базыка.

Солнце уже светило поверх занавесок. Значило это, что времени уже много и они, может быть, опоздали к началу рабочего дня в отдел.

– Просыпайся, рубака, – сказал Краевский Базыке. Базыка мгновенно открыл глаза, отбросил в сторону шинель, осмотрелся и произнес, потягиваясь:

– Ага, вот, значит, где мы поминки закончили.

– Пойдем умываться, – предложил ему Краевский.

– Нельзя, – ответил Базыка, – там на кухне Андросов с Аграфеной почивают, а начальству мешать нельзя...

– Что же мы теперь будем здесь лежать до...

– Разумеется, – ответил Базыка, – курить хочется, аж уши опухают...

– Слушай, – спросил его Краевский, – а где у тебя дяди, о которых ты вчера говорил?

– Там же, где и дед, – помрачнел Базыка. Краевскому стало неловко, и он, чтобы как-то замять столь бестактный вопрос, задал другой:

– А что это за шинель, на которой ты спал?

– Это шинель Бороды, – ответил Базыка, – она Груше в наследство досталась.

Так они говорили довольно долго, пока в коридоре не послышались шаги, не распахнулась дверь, и на пороге не появился одетый по полной форме Андросов.

– Просыпайтесь, – сказал он важно, – Аграфена чай поставила, позавтракаем и будем проводить операцию.

Когда откушавшие чаю Андросов, Краевский и Базыка появились в отделе, Проваторов уже заканчивал допрос Бурдукова. Масокин, толстый мужик, лет тридцати, с бабьим лицом сидел в дежурке, ожидая подследственного, и курил махорку. Рядом с ним стояла длинная винтовка.

Как и было предусмотрено планом операции, после допроса Бурдукова поместили в камеру, откуда он должен быть «выдан» Масокину ровно в двенадцать дня.

Руководители операции разошлись по своим местам. Впрочем, из отдела ушел пешком только Базыка. Ему предстояло с сотрудниками первого уровня осуществлять скрытое наблюдение за продвижением по городу убежавшего Бурдукова.

Андросов, Проваторов и Краевский отъехали на автобусе два квартала от отдела и остановились на перекрестке, где должен был пройти Бурдуков и его конвоир.

Андросов забрался в кабину, а Проваторов с Краевским осуществляли скрытое наблюдение из будки.

Звякнул колокол на соборе, извещая жителей Каминска о том, что наступила вторая половина дня, и дежурный по отделу выдал Масокину его подследственного. Масокин привычно сообщил Бурдукову о том, что он стреляет без предупреждения, и означенная пара двинулась по центральной улице Каминска к городской тюрьме.

Бурдуков в черных галифе, в сапогах, красной рубаше был похож на парня, пришедшего на вечеринку и, спереди казалось, что вот-вот грянет гармошка, он пойдет впрысядку по дощатому тротуару, а Масокину достанется роль зрителя.

Иллюзия эта, однако, исчезала, если смотреть на эту пару сбоку. И разрушала ее винтовка Масокина, которая упиралась штыком в спину конвоируемого.

Чем ближе к машине подходили Масокин и Бурдуков, тем напряженнее чувствовали себя руководители операции.

Оставалось несколько секунд до того, как Андросов нажмет на клаксон, чтобы отвлечь внимание Масокина. И тут Краевский увидел, как над перекрестком вдруг воспарило что-то завернутое в белое.

– Смотри, – сказал он Проваторову, – вот она...

– Ничего не вижу, – отозвался тот.

– Да вот же она, – чуть не заорал Краевский и стал стучать в стенку кабины, чтобы остановить Андросова. Но было уже поздно. Раздался пронзительный, похожий на вой сирены, сигнал автомобиля, и операция началась.

Масокин, услышав сигнал, начал поворачиваться в сторону автомобиля. Наверное, так в Африке поворачиваются слоны. Он не крутил головой, а переступал ногами, чтобы увидеть источник беспокойства.

Бурдуков, который тоже оглянулся на звук клаксона, мгновенно оценил обстановку, неповоротливого Масокина, бросился бежать по улице и через мгновение скрылся за углом.

Масокин повернулся наконец в сторону машины, и на его безбородом гладком лице отразилось все, что он думает по поводу идиотского сигнала водителя... Потом он стал поворачиваться в обратную сторону и увидел, что красная рубаша Бурдукова скрывается за углом дома.

Он неожиданно резво сорвался с места и добежал до угла. Там конвоир присел на одно колено, привычно упер в плечо приклад своего длинного оружия и выстрелил. Сделал он это привычно и непринужденно, как между делом сплевывает человек, увидевший падаль.

Бурдуков, красная рубаша которого была уже метрах в пятидесяти от перекрестка, упал на землю, как травинка, скошенная острым серпом.

Андросов, Проваторов и Краевский были ошеломлены случившимся. Однако через минуту они уже были у лежащего на земле Бурдукова. Масокин же остался на перекрестке: ему не надо было подходить к бывшему подследственному, чтобы определить, ранен он или убит.

Если бы затылок Бурдукова был расчерчен концентрическими кругами наподобие мишени, то можно было констатировать выстрел в десятку.

Андросов стал ругаться, Проваторов вернулся к Масокину, а Краевский оглянулся назад, чтобы еще раз увидеть ее... Но женщины над перекрестком не было. Видимо, она не была смертью. Она была предвестницей смерти, герольдом, который трубит призыв к пиршеству, но сам за стол не садится.

– Где этот трепанный повар? – орал Андросов, бегая по кабинету. – Где этот хренов специалист по варке патронов?

– Погоди немного, – успокаивал его Проваторов, как обычно сидящий в кресле, – дождемся Базыку, разберемся.

Краевский стоял у окна и смотрел на улицу. Он равнодушно отнесся к смерти Бурдукова, и не потому, что это был бандит, человек, приближенный к Огнивцу. Он понял, что его уже не будет волновать ничья смерть сейчас и, наверное, не беспокоит и приближение собственной смерти в будущем.

– Ну где же он? – изводился Андросов.

– Пригласите Масокина, – сказал Краевский, – пока не вернулся Базыка, проведем еще один эксперимент.

Андросов позвонил в дежурку и распорядился привести конвоира. Через минуту дежурный привел его.

Масокин не чувствовал угрызений совести. Наоборот, он гордился тем, что «свалил такого матерого бандюгу».

– Разрешите вашу винтовку, – попросил Краевский.

Масокин с готовностью протянул оружие. Краевский вытащил обойму и предложил всем спуститься в подвал.

Там он вновь вставил обойму в винтовку и, словно не доверяя никому, выстрелил в стену четыре раза.

– Ни хрена себе, – только и смог произнести Андросов, увидев, как четыре пули поочередно застряли в деревянной обшивке подвальной стены.

– Как мне кажется, – сказал Проваторов, – мы можем не дожидаться Базыку...

– Дежурный, – закричал Андросов, – немедленно на квартиру Базыки и привести его сюда под конвоем, возьмите четырех человек.

– Это можно было предположить, – заключил Краевский. – Ведь Базыка из тех мест, где свирепствует Огнивец. У него там масса родственников. Наверно, на этом его и купили.

– Если на этом, – отозвался Проваторов, – то это почти бесплатно.

Итак, руководители второго уровня вернулись в кабинет Бороды и стали ждать дежурного.

Дежурный с сопровождающими появился через полчаса. Он доложил, что Базыка куда-то уехал. Об этом ему сказала хозяйка, у которой квартировал Базыка. Хозяйка грозилась прийти в отдел и пожаловаться на Базыку самому большому начальнику, так как тот, прежде чем уехать, вытащил у хозяйки стеклянную банку с царскими монетами, которую она прятала в навозе.

– Ну вот, все стало на свои места, – заметил Проваторов.

– Но зачем он убил Бурдукова? – спросил Андросов. – Где же логика?

– Бурдукова он не убивал, – ответил Андросову как всегда точный Проваторов, – Бурдукова убил Масокин, а наш коллега Базыка организовал это убийство.

– Да не один ли хрен, – сказал Андросов, – а как замаскировался, гад...

– Ну довольно об этом, – прервал его Краевский, – одну задачу мы решили. Человека Огнивца выявили, теперь надо решать другие.

– Да как их решишь? – развел руками Андросов.

– Закройте кабинет на ключ, – произнес Краевский, – проведем закрытое совещание, но без самогонки и закуси.

Андросов, который после случившегося уже не чувствовал себя начальником, выполнил просьбу Краевского и вернулся к столу. Краевский же вытащил из кармана маленький ключ и показал его присутствующим. Проваторов от неожиданности опустил в кресло, а Андросов открыл рот...

– Сколько букв на замке? – спросил Краевский, хотя знал, сколько их там.

– Пять, – ответил Проваторов, который пришел в себя быстрее Андросова.

– Точно, – сказал Краевский, – для того чтобы открыть сейф, нужно не только иметь ключ, но и знать секретное слово, которое набрал тот, кто закрывал его. Ключ у нас, а слово...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.